

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ВОСПОМИНАНИЯХ МОЛОДЕЖИ

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ТЕХНОЛОГИИ И ДИЗАЙНА»

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ВОСПОМИНАНИЯХ МОЛОДЕЖИ

(Великая Отечественная война: в воспоминаниях педагогов-детей
войны и студентов о ветеранах войны — своих родственниках)

Сборник статей

Под редакцией Ю. В. Манько, В. Ф. Цымлова

Санкт-Петербург
2008

УДК 355. 940. 54
ББК 63.3/2/722.78
В27

Рецензент:

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической теории СПГУТД

И. В. Ильинский

В27 Великая Отечественная война в воспоминаниях молодежи (Великая Отечественная война: в воспоминаниях педагогов-детей войны и студентов о ветеранах войны — своих родственниках): сб. статей / под ред. Ю. В. Манько, В. Ф. Цымлова. — СПб.: СПГУТД, 2008. — 98 с.

ISBN 978-5-7937-0358-1

В сборнике публикуются статьи — воспоминания очевидцев и студентов (по воспоминаниям родственников и близких участников и ветеранов Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.).

В публикуемых статьях особое внимание сосредоточивается на героическом подвиге советских воинов на фронте и тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны советского народа против фашистской Германии (от начала войны до ее победного триумфа — Дня ПОБЕДЫ).

Материалы сборника могут быть использованы в учебном процессе при изучении Отечественной истории и других гуманитарных дисциплин, а также для патриотического воспитания молодежи, разоблачения фальсификаторов Великой Отечественной войны, лжи и клеветы на роль и значение в достижении нашей Победы всего советского народа под руководством Коммунистической партии Советского Союза.

УДК 355. 940. 54
ББК 63.3/2/722.78

ISBN 978-5-7937-0358-1

© Ю. В. Манько, 2008
© В. Ф. Цымлова, 2008
© СПГУТД, 2008

ВСТУПЛЕНИЕ

Все дальше и дальше отдаляется героический период нашей истории — Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии, закончившаяся победой над фашизмом, решающая роль в которой принадлежит Советскому Союзу.

Вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года показало всему миру, кто на самом деле является агрессором, претендентом на «мировое господство» и установление «нового мирового порядка», а кто — страной мирного созидательного труда на путях строительства социализма — самого справедливо-го общества трудящихся.

И несмотря на трудности, просчеты первого периода оборонительной борьбы с захватчиками, временные отступления и большие потери, в конечном счете, проявились главные факторы нашей победы — превосходство общественного строя, единство народа, фронта и тыла, дружба народов, патриотизм и интернационализм, нерушимое единство партии и народа, массовый героизм на фронте и в тылу, что и обеспечило в конечном счете нашу победу. Война продолжалась 1418 дней и ночей. Ее необходимо рассматривать в единстве начала и конца: был скорбный день 22 июня 1941 года, но был и радостный день «со слезами на глазах» — День ПОБЕДЫ — 9 мая 1945 года.

Сборник содержит и воспоминания старшего поколения — очевидцев той поры, и статьи молодых людей — студентов университета о встречах с родственниками — участниками и ветеранами Великой Отечественной войны.

У каждого автора будет в домашней библиотеке этот сборник, который является не только воспоминаниями, но и напоминанием следующим поколениям о необходимости следовать примеру героического подвига советского народа в годы войны, воспитывать у себя высокие патриотические качества, как это делали наши отцы, деды, бабушки. «Никто не забыт, ничто не забыто» — вот вывод, который должен следовать из опыта и уроков Великой Отечественной войны советского народа против фашистской Германии 1941—1945 гг.

Мы считаем необходимым поместить здесь обращение «К потомкам» *Георгия Константиновича Жукова*, Маршала Советского Союза, заместителя Верховного Главнокомандующего в годы Великой Отечественной войны, четырежды Героя Советского Союза.

Георгий Константинович Жуков — великий полководец, Маршал Победы как бы подводит итог своей жизни в замечательной книге «Воспоминания и размышления». А заканчивает ее пророческим мудрым обращением к новым поколениям сынов Отечества:

«Я хотел бы, чтобы эту книгу особенно внимательно прочли молодые люди. Мы, старшее поколение, хорошо знаем, что помогло нам выдержать натиск колоссальной силы. А молодым это надо еще постичь.

*Мне хочется еще раз сказать молодому читателю: мы были бы про-
стаками, если бы не подкрепляли усилия отстаивать мир готовностью
защищать нашу Родину, наш общественный строй, наши идеалы. Порох,
как говорится, должен быть постоянно сухим. И уже не мы, отдавшие
все, что могли, в минувших сражениях, а новое, молодое поколение — вот
надежда народа. Мое слово к вам, молодые люди: будьте всегда бдитель-
ны! День промедления в минувшей войне обошелся нам очень дорого. Теперь
в случае кризиса счет может идти на секунды.*

*Какими я хотел бы видеть вас, защитники Родины? Знающими и
выносливыми. Армия сейчас оснащена сложнейшей техникой. Изучать ее
гораздо труднее, чем в годы моей молодости. Тогда она была проще. Каж-
дое время ставит перед воинами свои задачи. Новейшая техника по си-
лам всесторонне подготовленным и хорошо образованным людям.
Учитесь!*

*Я призвал бы также нашу молодежь бережно относиться ко всему,
что связано с Великой Отечественной войной. Очень нужно изучать во-
енный опыт, собирать документы, создавать музеи и сооружать монументы,
не забывать памятные даты и славные имена. Но особенно важ-
но помнить: среди вас живут бывшие солдаты. Относитесь к ним
бережно.*

*Я много раз видел, как солдаты подымались в атаку. Это нелегко —
подняться в рост, когда смертоносным металлом пронизан воздух.
Но они подымались! А ведь многие из них едва узнали вкус жизни:
19—20 лет — лучший возраст для человека — все впереди! А для них очень
часто впереди был только немецкий блиндаж, извергавший пулеметный
огонь.*

*Конечно, они знали и радость победы в бою, боевую дружбу, взаи-
мную выручку на поле боя, чувство удовлетворения от сознания, что вы-
полняют священную миссию защиты Отечества.*

*Советский солдат вынес тогда тяжкие испытания. А сегодня ста-
рая рана заговорила, здоровье шалит. Бывший фронтовик не станет
вам жаловаться — не та заковка характера. Будьте сами предупреди-*

тельны. Не оскорбляя гордости, относитесь к ним чутко и уважительно. Это очень малая плата за все, что они сделали для вас в 41, 42, 43, 44, 45-м.

Написав это, я подумал: а не мелочами ли заканчиваю книгу? Но сейчас же отбросил такую мысль. Это не мелочи! На войне был суровый порядок: как бы ни было трудно, раненых непременно выносили из-под огня. В этом проявлялась забота не только о спасении человеческой жизни. На этом держалась вера идущих в бой: что бы со мной ни случилось — товарищи не оставят. Память о погибших, чуткое отношение к инвалиду войны — это поддержание все той же высокой морали.

...Наши дела придется продолжать молодым людям. Очень важно, чтобы они учились на наших просчетах и наших успехах. Наука побеждать — непростая наука. Но тот, кто учится, кто стремится к победе, кто борется за дело, в правоту которого верит, всегда победит. Я убедился в этом на многих уроках собственной жизни.

Книгу я начинал рассказом о своем детстве. И сейчас, подводя все итоги, опять вспоминаю себя мальчишкой. Как повернулась бы жизнь, не свершись Октябрьская революция?

Революция дала мне возможность прожить совершенно иную жизнь, яркую, интересную, полную сильных переживаний и больших дел. Я всегда чувствовал, что нужен людям, что постоянно им должен. А это, если думать о смысле человеческой жизни, — самое главное. Моя судьба лишь маленький пример в общей судьбе советского народа.

Перебирая все вехи жизни, главной считаю ту, от которой все мы ведем отсчет. Революция! Каждому человеку революция дала возможность пробовать силы, искать, сознать себя частью созидательной мощи народа. И когда пришел час защитить это главное завоевание, мы знали, за что сражаемся.

«Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне... узнали, почувствовали и увидели, что отстаивают свою, советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда».

Это сказано Лениным. Лучших слов для окончания книги я не нашел».

Материалы данного сборника являются ярким подтверждением единства старшего и молодого поколений в восприятии и оценке Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Кроме этого данная работа свидетельствует о межпоколенных связях населения России, основанных на исторической памяти

народа, которая способствует прежде всего патриотическому и военно-патриотическому воспитанию молодежи.

Авторы и редакторы надеются, что данная работа вызовет определенный интерес как старшего, так и молодого поколения, всех, кто интересуется историей нашего славного Отечества.

РАЗДЕЛ 1. ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦЕВ – ДЕТЕЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В. Ф. Цымлов,

труженик тыла, ветеран Великой Отечественной войны,
почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации, профессор кафедры философии
и социальных наук СПГУТД, полковник в отставке

Сталинград напоминает

Каждый год, отмечая дату разгрома фашистов под Сталинградом, вновь и вновь обращаешься к тем трагическим и героическим событиям, запечатленным в детской памяти очевидца, и воспринимаемым сегодня на уровне научного осмысления.

На полях этого сражения погиб мой старший брат, а мне и другим членам семьи пришлось перенести все тяготы и лишения в районе станицы Клетской, где немецко-фашистские войска встретили упорное сопротивление. До сих пор памятником героизма является фашистский дот на господствующей высоте, на амбразуру которого бросились два воина — Покальчук и Гутченко, обеспечив ценой своих жизней выполнение боевой задачи.

О Сталинградской битве написано большое число книг, воспоминаний, мемуаров военачальников с обеих воюющих сторон, с различных идейно-политических позиций. За последнее время исследованы новые архивные документы и материалы, которые позволили уточнить некоторые факты, события, скорректировать важные концептуальные положения. Но и до сих пор остаются «белые пятна» в понимании и оценке причин отступления наших войск летом 1942 года, разработке планов обороны и стратегического наступления советских войск, выяснении значения битвы на Волге в Великой Отечественной войне, роли И. В. Сталина, Генерального Штаба Красной Армии, командующих фронтами, армиями и других участников сражения, в том числе и прежде всего основного и непосредственного участника — солдата и сержанта, офицера, труженика тыла, жителей города и районов, где проходили бои.

К сожалению, усилиями полуобразованных властителей, «демократов», псевдоисториков, пресмыкающихся перед властью, публи-

цистов правоцентристской, антисоветской направленности под сомнение ставятся принципиальные вопросы оценки Сталинградской битвы, что, по сути, означает стремление очернить весь советский период нашей истории, вытравить из сознания нынешнего поколения героические страницы Великой Отечественной войны.

Сталинград напоминает болеющим «беспамятством». Прав был В. И. Ленин: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали и почувствовали, увидели, что они отстаивают свою, советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда».

Именно это, прежде всего, явилось источником нашей победы над фашизмом, героического подвига советских воинов у стен Сталинграда. Не случайно, современные властители — «демократы», нувориши, олигархи, мафиози не любят об этом вспоминать, ибо знают, что народ их не будет защищать и придет время свершиться праведному суду. Помните Сталинград!

Сегодня, как никогда, актуальны слова, девиз, заповедь сталинградцев: «Ни шагу назад!»! Нынешнее состояние, в котором оказалась страна по вине «реформаторов», напоминает всем нам, что это последний рубеж. Дальше отступать некуда. Народ, проснись, одумайся! Кстати, в отношении оценки приказа Народного Комиссара Оборона Союза СССР № 227 от 28 июля 1942 года, где впервые четко было сказано: «Ни шагу назад!», до сих пор идут споры и идеологические битвы. Критики справа негативно оценивают этот документ, называя его «безжалостным», «жестоким» и т. п. На самом же деле приказ вызывался конкретной сложной и противоречивой обстановкой лета 1942 года. Наступило время сказать: «Ни шагу назад!» «Надо, — подчеркивалось в приказе, — упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляясь за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности». Как отмечает М. Гареев, это был очень суровый и до предела жесткий документ, необходимый, однако, в сложившихся тогда условиях. Могу свидетельствовать: на моих глазах на нашем дворе офицер расстрелял солдата-паникера. После этого подразделение успешно выполнило свое боевое задание, не отступив ни шагу назад.

Сталинград стал символом непобедимости советского народа, его мужества, героизма и началом коренного перелома в Великой Отечественной войне, да и всей Второй мировой войны. Об этом вынуждены

были признать и руководители западных стран. Президент США Ф. Рузвельт в письме к И. В. Сталину от 5 февраля 1943 года отмечал: «Сто шестьдесят два дня эпической борьбы за город, а также решающий результат, который все американцы празднуют сегодня, будут одной из самых прекрасных глав в этой войне народов, объединившихся против нацизма и его подражателей». Неплохо бы об этом напомнить и нынешнему президенту США Д. Бушу.

Премьер-министр Великобритании У. Черчилль дал такую оценку Сталинградской битве: «Это действительно изумительная победа». Ш. де Голль, глава временного правительства Французской республики писал: «Я передаю горячий привет сражающегося народа героическому Сталинграду — символу наших побед над врагом».

Всеми недругами и противниками социализма предпринимаются отчаянные попытки принизить роль Сталинградской битвы и возвысить сражение в Северной Африке под Эль-Аламейном. Но эти два сражения не идут ни в какое сравнение. Достаточно сказать, что Сталинградская битва проходила на территории в 100 тыс. кв. км, а операция под Эль-Аламейном — на сравнительно узком участке африканского побережья. Под Сталинградом германское командование привлекло 1 млн 11 тыс. человек, 10290 орудий, 675 танков и 1216 самолетов. А в том сражении британским войскам противостояло 8 итальянских и 4 немецких дивизий, насчитывающих 80 тыс. человек, менее 1220 орудий, 350 самолетов. В целом операции американско-английских вооруженных сил Северной Африки отвлекли на себя не более 6—7 % сил фашистской Германии и ее сателитов. Наконец, разгром фашистских войск под Сталинградом, окружение более чем 300-тысячной группировки фашистов положили начало коренному перелому в войне. Помню, как пленные румыны — эти «вояки» — трудились на колхозном скотном дворе, проклиная Гитлера и своих правителей.

Сталинград напоминает о больших наших потерях, невзгодах, трудностях не только на фронте, но и в тылу; о зверствах, которые чинили фашисты на Сталинградской земле. Помню, как при переправе наших войск на левый берег Дона у станции Клетской немцы, по сути, устроили кровавую расправу над отступающими нашими подразделениями. До сих пор не могу забыть кровавый (в прямом смысле) Дон. Это ужасное зрелище! Мы вынуждены были бежать в лес (а это были женщины, старики и мы, дети). И там, находясь за линией фронта, нас что называется «нашли» немецкие летчики, сбросив на нас смертельный груз, уничтожив и покалечив многих из моих земляков. Этого никогда не забыть!

После разгрома гитлеровских войск под Сталинградом и изгнания фашистов со священной Сталинградской земли встала задача первостепенной важности — восстановление разрушенного захватчиками. Надо было видеть, в каком состоянии оказался Сталинград — ни одного уцелевшего здания, все в руинах.

Еще в большей степени война нанесла ущерб колхозным полям. Надо срочно сеять хлеб, убирать урожай. Кому это надо было осуществлять? Мужчины на войне. Остались женщины и мы, дети. Помню, как мы, мальчишки и девчонки, с утра до вечера трудились на полях, выполняя все посильные для нас сельскохозяйственные работы.

И урожай спас и нам, жителям, жизнь, и обеспечивал хлебом фронт. Туда же шли и посылки с сухарями, вареньями, носками из козьего пуха. И могу свидетельствовать: действительно, фронт и тыл были едины, это положительно сказалось на успешном завершении войны и разгроме гитлеризма.

Набат Сталинграда должен звучать и сегодня. Поэтому правомерным является требование переименовать Волгоград в Сталинград, восстановив историческую справедливость. Ведь в свое время без всякого референдума волюнтаристским решением Н. С. Хрущева Сталинград превратился в Волгоград.

Сталинград напоминает...

Услышит ли общество, различные политические силы, властные структуры голос прогрессивной общественности о том, чтобы достойно отметить дату Сталинградской битвы и извлечь соответствующие выводы, уроки для нынешней деятельности по выводу страны из кризисного состояния в духе девиза сталинградцев «Ни шагу назад!»?

Ю. В. Манько,
очевидец войны, заслуженный работник высшего
профессионального образования, доктор философских наук,
профессор, заведующий кафедрой философии
и социальных наук СПГУТД, полковник в отставке

Детство в оккупации

В детские годы я находился в оккупации в городе Ростове-на-Дону с 1941 по 1943 годы. Мне запомнились отдельные эпизоды войны. В памяти осталось практически без боя вхождение немецких войск в город. Видел движение техники: танков, БТРов, артиллерии,

и в колоннах войска, которые двигались по Долматовскому проспекту, а офицеры шли по тротуару.

Я выбежал на улицу с детским ружьем, которым изображал стрельбу по немцам. Ко мне подошел немецкий офицер, потрепал по щеке, погладил по остриженной голове и даже дал мне шоколадку. После этого прибежала испуганная бабушка и забрала меня домой.

Жили мы (бабушка — Манько Матрена Павловна, тетя — Филиппенко Евдокия Ильинична, ее дочь — Лидия Георгиевна) в частном доме. Во дворе была выкопана щель с перекрытием, куда мы каждый раз укрывались, выбегая из дома, при артиллерийских и авиационных налетах. Налеты авиации происходили очень часто, поэтому нам приходилось выбегать из дома и прятаться в укрытие.

Поскольку семья, как правило, голодала, то самым главным было унести с собой и спасти какую-либо еду (вареную мерзкую картошку, которую мы выкапывали на огородах за городом, или оставшуюся на полях кукурузу). В один из таких налетов все выскочили из дома, не захватив еды. Меня это очень напугало, и я закричал: «Бабуля кукурузку разбомбят!»

Чтобы как-то прокормиться, тетя Дуся иногда ходила в близлежащие деревни на так называемую «менку». Меняли какие-то вещи на продукты. До сих пор перед глазами стоит картина: на пригорке стоит тетя Дуся с котомками на плече и повязанная клетчатым платком, с такою тоской в глазах, что мы с сестрой и бабушкой заплакали, как бы прощаясь на век. Каждый такой поход на «менку» всегда был связан с риском для жизни. Но в этот раз она вернулась домой.

Один раз во дворе упала и разорвалась бомба. Осколки прошили весь саманный фундамент дома. Я в это время спал с бабушкой, небольшой осколок поранил мне бедро, шрам до сих пор остался на левой ноге.

Хорошо помню вид ночного неба над Ростовом (январь — февраль 1943 года) и перекрещенные лучи прожекторов, ловящие самолеты, и разрывы снарядов зениток. Несколько раз видел падающие самолеты.

Однажды зимой 1943 года к нам зашел фашистский солдат, весь обвязанный пуховыми платками. Грубо оттолкнув бабушку, он подошел к печке, на которой варилась в чугушке картошка, вывалил себе в сумку и, не сказав ни слова, ушел.

Очень четко помню приезд в отпуск в мае 1944 года после тяжелого ранения отца — Манько Владимира Ильича (старшего лейтенанта, командира батареи артиллерийской разведки 313-го артполка При-

балтийского фронта), как он ездил с нами на огород, играл со мной в военные игры, а мне нравилось играть с его портупеей, на которой висела кобура с пистолетом. Помню, как отец, уезжая на фронт, вскочил на подножку последнего вагона и долго, пока поезд не скрылся за поворотом, махал платком, прощаясь с семьей, как оказалось, навсегда. Он погиб в Латвии 6 августа 1944 года. День победы не помню, так как в доме еще не прошел траур по отцу и погибшему мужу тети Дуси.

Н. И. Шашков,
очевидец событий войны, доктор философских наук,
профессор кафедры философии и социальных наук СПГУТД

Мои детские университеты

Я хорошо помню первый день начала Великой Отечественной войны. Было воскресенье. Ясное солнце светило с небес. Птичий щебет наполнял детские души радостью. Мы, деревенские дети, после окончания учебного года чувствовали себя свободными и счастливыми. С самого утра мы ушли в луга, отыскивая спелую землянику или молодой щавель (у нас он звался «кислица»), наполняя свои желудки витаминами, которых детским телам не хватало после долгой зимы. Мы были радостны и беззаботны.

После полудня, вернувшись домой, мы увидели строгие лица наших отцов и заплаканные глаза матерей. Нам сказали, что началась война, что Германия напала на Россию, что наступила большая беда. Все разговоры в деревне шли только о войне. Все понимали, что начинается мобилизация, что мужья и взрослые сыновья уйдут на войну и многие из них никогда не вернуться домой или вернуться калеками. Однако никакой паники не было. Мужчины и женщины обсуждали вопрос, кто победит. И ссылаясь на религиозные писания, приходили к выводу, что «Красный петух» (Россия) обязательно заклюет «Черного петуха», т. е. Германию.

Мы, дети, не осознавали, что такое война и что она за собою несет. Но были уверены, что «наши» победят и немец будет разбит. Дети тоже посуровели.

Нашим отцам пришли повестки из военкомата. Началась мобилизация. И вскоре взрослое мужское население ушло на войну. Ушел и мой отец. Война вошла в души не только взрослых, но и детей.

Впервые со звуками войны жители нашей деревни познакомились в начале июля 1941 г. (точную дату и время не помню) ранним утром. Мы проснулись от каких-то сильных взрывов в лесу, недалеко от деревни. Все взрослые (в основном, оставшиеся без мужей женщины), подхватив своих детей, бросились из изб и побесжались прятаться в кусты, растущие по берегам текущей недалеко речушки, оставив в своих домах весь свой скарб и скотину: коров, овец, свиней и гулявшую во дворах птицу: курей, гусей, уток. Сбережение своей жизни оказалось значительнее, нежели сохранение трудом и потом нажитого имущества. Матери спасали своих детей. И все поняли, что война подошла к их порогу (позже мы нашли на лесной поляне, примерно в 700—800 метрах от деревни, две воронки от взорвавшихся бомб; они располагались недалеко одна от другой по обе стороны лесной тропы).

С середины июля по утрам и вечерам стала слышна артиллерийская канонада. Вскоре она приблизилась и стала слышна даже днем. А по вечерам и ночью наблюдались огненные сполохи. У деревни появились наши войска. Тогда же мы увидели впервые танк КВ. Лица оставшихся в деревне не годных для военной службы мужчин и женщин становились все суровее и озабоченнее. Но люди думали не о смерти, но о жизни. Они по-прежнему работали на полях и огородах. Урожай озимых и яровых культур обещал быть добрым. Его нужно было сберечь. И, как позже напишет М. В. Исаковский, все заботы и печали на женские плечи легли. Ей приходилось трудиться, заменяя ушедших на войну мужчин; думать об их судьбе: живы ли они или уже погибли, или попали в плен; думать об оставшихся с ними детях и о будущем: война войной, а жить надо не только сегодня, но и завтра, и через год.

В начале октября утром наступило тревожное затишье. Нет ни канонады, ни наших войск. Было тихо. День ожидался солнечным, но уже было прохладно.

Часов в 8—9 утра послышался шум машин. Длинная колонна — это были немцы — проследовала не останавливаясь мимо нашей деревни. Женщины обеспокоились: что же будет с нами? Не было пока ничего. Нам, детям, было интересно взглянуть, что же это за люди такие — немцы, отличаются ли они чем-то от нас? Отметили: люди как люди — в зеленой форме, с касками на голове и винтовками в руках чинно сидели в кузовах грузовиков. Такие же, как мы. Только звучал вопрос, зачем же они к нам пришли, кто их звал? Ответа, естественно, у нас не было. Но мы знали, что это наши враги.

Вдруг одна из машин с солдатами свернула в деревню и напоролась на мину. По-видимому, мина была противопехотная и большого вреда тяжелому грузовику она не нанесла. Никто из немцев не был убит и даже ранен. Но этот инцидент насторожил деревню: будут ли немцы мстить? Не мстили.

Заехав в деревню, немцы высыпали из машин и отправились к хозяйственным дворам жителей. Раздались выстрелы. Это немецкие солдаты «охотились» на домашнюю живность: свиней, гусей. Раскулахтались куры и стали разлетаться. Это немцы ловили их. Присматривались они и к коровам, пасущимся на лугах. Но на защиту коров бросились женщины и отбили их. Так в тревоге началась немецкая оккупация. И перед взрослым населением деревни постоянно стоял вопрос: а что будет дальше?

Надо сказать, что за время оккупации в деревне не осталось ни одной живности, ни одной домашней птицы. Уже после изгнания немцев к своему дому вернулась одна на всю деревню кошка, да и та вскоре пропала. Вероятно, кто-то ее похитил, ибо в соседних деревнях не было даже кошек, а мыши начинали, что называется, пешком ходить по столу.

В июле 1942 г. немцы окончательно остановились в деревне и занимали ее до марта 1943 г., когда фронт стоял уже в 4—5 км от нее, когда наши самолеты-штурмовики бомбили и обстреливали из пулеметов находившихся в ней немцев, когда наша артиллерия обстреливала их артиллерийские позиции. Отступая, немцы увезли из деревень практически всю молодежь от 16 лет и старше. В деревне остались одни женщины и дети. Но и их в последний момент угнали. Однако спустя двое суток наши войска нас освободили. Немецкая оккупация для нас закончилась. Вернувшись домой, мы несколько повеселели, так как деревня оказалась целой, немцами не сожженной, хотя и сильно разгромленной.

Время «второй оккупации» деревни, начавшееся в июле 1942 г., ознаменовалось для ее жителей «зрелищем повешения», которое учинили немцы над «партизаном», 75-летним жителем одной из ближайших деревень, обвинив его в том, что тот напал на немцев-сенозаготовителей. Для жителей нашей деревни, для старых и малых, это был шок. Такого «зрелища» они никогда не видели.

Заняв деревню, немцы всех ее жителей изгнали из их домов. Пока было тепло, мы ютились в вырытых блиндажах и землянках, подготовленных на случай немецких бомбежек. С наступлением холодов жить в блиндажах стало невозможно. Люди переселились в неотапли-

емые амбары, поставив там так называемые «буржуйки». В этих амбарах жили не только их владельцы, но и те, у которых амбаров не было. Питались тем, что у кого было запасено. Оказывали друг другу помощь. Оккупационные войска никакой помощи не оказывали.

В конце ноября 1942 г, ночью, в сильный мороз, в деревню вошла какая-то выведенная с передовых позиций немецкая часть, вероятно, обозленная своими потерями в боях с Красной Армией. Поводя стволами винтовок и автоматов, с угрожающими криками «раус!» (вон!) немецкие солдаты выгоняли жителей и из амбаров. Подхватив детей и кое-что из одежды и пищи, женщины ушли на улицу. Кое-кто пережил эту ночь в холодных блиндажах, а кое-кто поселился в деревенской бане. С наступлением дня баня была переполнена людьми. Взрослые и дети занимали все банное помещение, оставив только узкий проход. Скученность давно не мытых в бане человеческих тел, грязь, антисанитария, завшивленность, отсутствие какой бы то ни было медицинской помощи от немцев (они боялись даже подходить к бане, чтобы не заразиться) привели к поголовному брюшному тифу. Переболел им почти каждый житель деревни. Если молодые и достаточно сильные организмы благополучно переносили этот тиф, то старые и ослабленные здоровьем — умирали. Ушли на «тот свет» не менее десятка человек. Среди них была и моя мать. Я тогда тоже болел тифом, находился без сознания и узнал о ее смерти, только начав выздоравливать. Так я стал сиротой. От отца с фронта было только одно письмо (сентябрь 1941 г.), из которого стало известно, что отец получил ранение.

Муки оккупации переносить тяжело. На Руси говорят: «Дома и солома едома». Но если твой дом занят твоими врагами, которые тебе и соломы не дают, это труднее в стократ. Ибо даже в своем доме не хозяин, а УНТЕРМЕНШ — НЕДОЧЕЛОВЕК.

Партизаны появились у нас примерно в ноябре 1941 г. Партизанских отрядов было несколько. Но они были малочисленны. Немецкие войска, уйдя под Москву, оголили свои тылы, в которых партизаны стали господствующей силой. Они восстанавливали Советскую власть. Восстанавливали колхозы, ставшие благом для местного населения. Наступающая весна 1942 г заставляла людей готовиться к сельскохозяйственным работам. Нужно было проводить яровые посевы, сажать картошку, овощные культуры и т. п. Все это можно было совершить только коллективными усилиями. В одиночку никто справиться с этими работами не мог. А люди должны были думать не о настоящем, о дне сегодняшнем, но и о будущем. Надо было не только выживать, но и сбергать детей.

Партизанские отряды росли численно как за счет вливания в них сельской молодежи, так и за счет бывших красноармейцев, оказавшихся в окружении и осевших в местных деревнях.

Бои под Москвой вкупе с сильными морозами обескровливали немецкую армию — раненых, больных, обмороженных немцы везли в свои тыловые госпитали. Партизаны своими налетами на немецкие обозы помогали красноармейцам, борющимся на фронте. С приближением фронта и отсутствием достаточных мест укрытия местные партизаны уходили в более безопасные для них зоны. Но какая-то часть оставалась и на месте. Жители нашей деревни были благодарны партизанам, что те, обстреляв немецкий обоз, убили двух лошадей, мясо которых пошло затем на наше питание. Гибли в борьбе с фашизмом и партизаны. У нас в деревне появилась братская могила погибших партизан. Немцы от бессилия в борьбе с партизанами взялись за их родственников, оставшихся дома. Их хватали служившие немцам полиция и тут же расстреливали. Вечная им память!

Устроили немцы и свое военное кладбище убитым солдатам и офицерам. Над их могилами высились деревянные кресты. Но вскоре после изгнания немцев от этих крестов ничего не осталось. Немецкие могилы поросли травой, навсегда скрыв эти захоронения. Нельзя, конечно, всю оставшуюся жизнь дуться на немцев как на истязателей и убийц. Но и забывать об этом неже. Их никто к нам не звал. И память о них в наших сердцах не должна иметь места. Я это к тому говорю, что в некоторых районах нашей страны (Волгоград, Гагарин и др.) начинают возводить мемориальные немецкие кладбища. Конечно, мертвые сраму не имут, но эти мертвые имеют живых потомков в той же Германии, которые ныне возрождают лозунги гитлеровского нацизма.

Р. Х. Бариев,

очевидец событий войны, доктор философских наук,
профессор кафедры философии и социальных наук СПГУТД,
полковник в отставке

Дети войны

Мои родители приехали в Ленинград в начале 30-х годов. Не захотев жить в коммунальной квартире в городе, отец купил дом в пригороде Ленинграда, конкретнее, в деревне Рехолово Талликовского сельсовета Слуцкого района Ленинградской области. (Уже давно нет

ни Рехолово, ни Талликово, финских деревушек, находившихся между Пулковскими высотами и поселком Александровский, а Слуцку вернули название Павловск). В Рехолово у моей матери родились две девочки, которые умерли в раннем детстве, а затем в 1937 г. появился на свет я, пишущий эти строки, а через два года родилась моя сестренка Роза. Я родился беловолосым, и финны говорили отцу: «Это наш — чухонец».

После моего рождения мой отец, Халирахман Абдулбариевич, получил у государства участок земли в поселке Александровский и ссуду на постройку дома. Дом наш находился в новых местах Александровска, на 2-й линии, 2-й дом от края улицы, по правую сторону, если идти к центру.

Очень хорошо помню начало войны, 22 июня 1941 года, когда я утром проснулся, услышал возбужденные голоса, доносились отдельные возгласы соседей. Все очень часто повторяли слово «война». Отец и наши соседи-мужчины не стали ждать повестки из военкомата, попрощались с нами и ушли на фронт в первый же день войны.

Фронт приближался к нашему поселку, была слышна канонада. Женщины старались держаться вместе, обсуждали вопрос, как быть, если придут немцы. Решающую ночь все решили встретиться вместе в огромном блиндаже, который имелся в нашем микрорайоне Александровска, надеялись, что наши поселок все же не отдадут немцам. Вот мы все — старики, женщины, дети — сидим в темном тесном блиндаже. В основном женщины тихо переговариваются о фронте, который вот-вот пройдет через нас, или же наши устоят. Уже темно, и нам ничего не известно, что же делается там, наверху. Вдруг с грохотом открывается дверь блиндажа, и красноармеец громко кричит: «Товарищи, мы уходим, но мы еще вернемся!». Все разом зашумели. Кто-то предложил разойтись по своим «окопам», считая, что так безопаснее, что огромный блиндаж может стать братской могилой. Люди, взяв свои котомки, ушли в свои семейные убежища. Глубокая ночь, мы — мама, бабушка, моя сестренка и я — сидим в своем окопе. Коптилка освещает расстеленные на полу матрацы, подушки, одеяла. Я незаметно засыпаю, но тут же просыпаюсь от шума заслонки, которая служила дверью в наш «окоп». Сгибаясь, входят два немца, лица черные от порохового дыма, на шее висят автоматы. Настороженно, оглядев нас, они вышли наружу.

Утром, когда я вышел из «окопа» к своему дому, то увидел, что вдоль нашей улицы и во дворах стояли немецкие машины, немцы деловито входили в наши дома, выносили из них мебель, грузили на ма-

шины и куда-то увозили наши вещи. В прихожей нашего дома осталось несколько красноармейцев, немцы ходили мимо, не обращая на них никакого внимания, наши матери кормили их, жалели. Примерно только через неделю фашисты заметили их и куда-то увели. Наступала зима, полмешка сухарей, которые мама насушила, когда у нас еще был хлеб, очень быстро кончились, нашей маме и бабушке теперь надо было думать о хлебе насущном. Но была еще картошка и капуста, собранные с огородов. С наступлением холодов мы перебрались из «окопа» в дом.

Наступила холодная зима. Однажды мама и бабушка стали собирать вещи, принесли двое детских санок, на одни санки погрузили вещи, на другие — посадили нас с сестренкой. И двинулись в путь. Казалось, вся Александровка пришла в движение в эту холодную и лунную ночь. Одни санки тянула мама, другие — бабушка. Люди двигались медленно, молча, на одних санках сидели малые дети, на других находились небольшие котомки с вещами. И было удивительно, что у людей оказалось столько много детских санок. Мы прибыли в город Пушкин. Там мы в каком-то одноэтажном доме среди сосен прожили недели две.

Опять наши мамы и бабушки собрали вещи, посадили нас, детей, на санки и потянули их по бесконечному шоссе. Опять холодная и лунная ночь. На следующий день, к вечеру, мы оказались в Гатчине. Наша семья поселились в доме, который находился на теперешней улице 25 Октября, окна этого дома выходили на перпендикулярную к ней улицу, которая вела на станцию Гатчина-товарная.

Зима 1941—1942 гг. была самой тяжелой за все время нашего пребывания в немецком плену, как тогда говорили. В то время все считали, что мы находимся у немцев в плену. Это уже после войны стали говорить, что мы находились на оккупированной территории. Есть было совершенно нечего. Население Гатчины стало вымирать. Видимо, немцы пришли к выводу, что неубранные разлагающиеся трупы могут привести весной, когда станет тепло, к эпидемии и немцам самим придется их убирать. Но бесплатно кормить, естественно, население они не хотели. Нашли дело для всех трудоспособных. Наши матери, еле живые, потянулись на работу. За работу платили баландой (третьесортная мука, размешанная в горячей воде) на дне котелка с маленьким кусочком рыбы и кусочком хлеба наполовину из опилок. Как-то в очень холодный день к нам зашли погреться немецкие солдаты, их было 3—4 человека. Мы с бабушкой сидели у печки. Немцы подошли к печке и стали над огнем потирать руки. Бабушка вступила

с ними в разговор на татарском языке. Она говорила: «Зачем вы пришли к нам? Идите к себе домой.» — и при этом энергично махала рукой в сторону двери. Немцы удивленно, ничего не понимая, смотрели на нее. А бабушка все говорила и говорила, чтобы они уехали к себе домой в Германию. Так мы перезимовали. Ранней весной умерла моя двухлетняя сестренка.

Мы жили не одни. С нами в большой комнате дома жила еще одна семья — женщина-татарка с двумя детьми — девочками моих лет и старенькой бабушкой. Жили дружно, мы, дети, играли вместе и никогда не ссорились. Примерно в конце мая 1942 г. моя мама работала на бойне и с работы принесла немного животных кишок, пожарила их, и мы втроем поели, радуясь тому, что вот, наконец-то, мы сыты. Мама вышла на кухню мыть посуду, а бабушка прилегла отдохнуть. Мы, дети, сытые и довольные, стали играть на полу своими простенькими игрушками. Вдруг моя бабушка захрапела и мы, дети, засмеялись. Я крикнул: «Мама, бабушка храпит!». Мама прибежала на мой крик, подбежала к бабушке и стала ее тормошить, приговаривая: «Мама, мама, проснись!». Но бабушка уже была мертва. Ее похоронили на Гатчинском кладбище, там, где сходятся могилы православных, мусульман и евреев (это уже по рассказу мамы). У мамы в Гатчине были знакомые татары — пожилые муж и жена. Мы к ним с мамой частенько ходили в гости. Этот дядя помог маме с похоронами бабушки. Он приехал на телеге, в которую была впряжена лошадь, такая же старая, как он сам. Оставшись вдвоем, мы с мамой переселились в маленький домик рядом со станцией Гатчина-товарная (этого дома уже нет). Две маленькие комнатки: во внутренней жила молодая тетя, у которой моя мама выменяла акварельные краски, во внешней — мы с мамой. Они утром уходили на работу, я оставался один. Из отверстия в углу комнаты выходили крысы и вереницей шли в другое отверстие, находящееся за печкой. Тогда я садился на стол и раскрашивал квадратиками немецкие журналы, которые где-то нашла мама. Затем мы с мамой переселились в дом напротив. Он и сейчас стоит, также выкрашен охрой, двухэтажный, бревенчатый, построенный еще до Октябрьской революции инженером-путейцем.

На краю станции стоял барак, обнесенный колючей проволокой. Там содержались военнопленные — воины Красной Армии. Их охраняли такие же русские, но предатели. Военнопленные были изможденные, в рваной военной форме, на ногах деревянные колодки, которые они выдалбливали сами из деревянных чурбаков. Даже зимой их водили на работу в рваных гимнастерках. Предатели были одеты в

добротную немецкую форму, холеные и упитанные. Мы тянулись к военнопленным, они — к нам. Военнопленные делали нам разные деревянные игрушки, и когда предатели в строю вели их на работы, они успевали передать нам свои игрушки. Они катали нас, детей, в вагонетках, в которых возили уголь для паровозов. Предателям это не нравилось, и они окриками на военнопленных запрещали им катать нас, а нас прогоняли, но мы ловили любой момент пообщаться с нашими солдатами — в них мы видели своих отцов, а наши отцы не могли быть предателями.

Настал день, а это было осенью 1943 г., когда немцы в связи с наступлением наших войск осенью решили угнать нас на Запад. Наш состав с женщинами и детьми долго добирался до литовского города Шауляй. В пути все сильно голодали, мы, дети, попрошайничали на каждой остановке. Наконец, мы добрались до Шауляя, небольшого литовского города. Со станции нас строем привели к баракам, построенным для нас, очень быстро распределили по баракам и комнатам в них. Моя мама и тетя Лиза, мамина подруга с двумя детьми — Петей одиннадцати лет и Верой моей ровесницей — решили поселиться вместе в одной довольно просторной комнате, где стояли три деревянные двухъярусные кровати, а посреди комнаты находился стол с табуретками вокруг, около двери высилась железная печь с трубой, выходящей наружу. Вскоре наши мамы принесли в котелках жидкий суп с черным хлебом. Жить было можно. На другой день рано утром наших матерей немцы повели на земляные работы.

Через некоторое время какой-то русский, он был ранен и ходил на костылях, открыл для русских детей школу. В школе было всего два класса, каждый класс занимал два ряда парт в одном большом помещении барака. В первом классе учились те ребята, которые в советское время были дошкольниками и не умели читать и писать, а во втором — те ребята, которое учились еще в советской школе и умели читать и писать. Учитель меня в школу не взял, сказал, что я для школы еще мал. Петя утром брал учебники и уходил в школу, а через некоторое время я шел за ним, довольно часто открывая дверь и заглядывая в класс, когда же Петя закончит уроки. Учителю, видимо, это надоело. Однажды, когда я в очередной раз открыл дверь, он позвал меня в класс, дал чистую тетрадку, карандаш, написал на доске палочки и сказал, чтобы так же написал в тетради. Я с заданием не справился, написал палочки вкривь и вкось, и учитель оставил меня после уроков. Я заплакал. Петя успокоил меня, сказав, что подождет меня за дверью. Я удивляюсь тому, как мы дружно жили, помогая друг другу,

не было никаких ссор, жили как родные братья и сестры. Я научился читать и писать, но завидовал Пете, что у него есть очень интересная книга с картинками, это был «Закон Божий», который изучали только во втором классе.

Прошла зима, наступили весна, затем лето 1944 г. Советский фронт приближался к Шауляю. Литовцы стали нас подкармливать — однажды мама и тетя Лиза принесли по полкаравая ржаного хлеба из магазина, который был открыт литовскими властями для русских. Немцы стали готовить нас к отправке в Германию. Но в решающий день, когда мы должны были погрузиться в товарные вагоны, наши самолеты разбомбили станцию, правда, досталось и нам — еле успели выскочить из зашатывшегося от взрывов бомб барака. Мы ушли на хутор близ Шауляя, где моя мама и тетя Лиза стали работать в хозяйстве старой и одинокой литовской женщины за еду, в которой у нее недостатка не было. Вскоре пришли наши войска. Мы вернулись в Шауляй и засобирались домой — тетя Лиза в Тайцы, а мы с мамой в Татарию к ее родителям. Когда мы оказались в Татарии, я был настолько слаб, что не мог на своих ногах пройти сто метров, а мне уже было семь лет. Это только часть воспоминаний. Если описать все, что о войне запечатлелось в детской голове, вышла бы солидная книга.

Г. М. Левин,

очевидец событий первого года войны, кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социальных наук СПГУТД,
полковник в отставке

Мои встречи с войной

Я родился в январе 1939 г., т. е. за 8 месяцев до начала Второй мировой войны, так что к началу Великой Отечественной войны мне было 2,5 года. Единственное довоенное воспоминание, сохранившееся в моей памяти, как папа в яркий солнечный день качал меня в гамаке в небольшом березовом парке, расположенном рядом с домом. Да и то его улыбающееся лицо воспроизводится в памяти не отчетливо. Рядом стояла и мама, боявшаяся того, как бы я не вылетел из гамака. Само начало войны, как папа уходил на фронт, я, конечно, не помню. Больше я его никогда не видел. Знаю только со слов маминого двоюродного брата, что он последним видел моего папу живым. Оба они воевали на Ленинградском фронте. Поздней осенью 1941 г. папа

встретился с ним, передал для мамы воинский аттестат (который дядя затем передал своей родной сестре, жившей в Ленинграде и эвакуированной из блокадного города через Ладожское озеро, когда у нее началась водянка) и сказал, что уходит туда, откуда не возвращаются (скорее всего, он уходил с разведгруппой в тыл врага, так как до войны знал очень хорошо немецкий язык). И действительно, больше мой дядя его не видел, а мама вместе с папиным аттестатом, пересланным ей двоюродной сестрой, получила и извещение о том, что мой папа пропал без вести.

Но все-таки в памяти сохранился и ряд ярких картин, связанных с эвакуацией.

До войны мы жили в Новгородской области и с приближением врага вынуждены были эвакуироваться на Восток, вглубь страны. Вот во время эвакуации мы и встретились с войной лицом к лицу. Как сейчас помню бомбежку железнодорожной станции Рязань. Мы с мамой (а ей было чуть больше 20 лет, и к тому же она была беременной) пошли на базар за молоком, а моя бабушка осталась в доме, хозяйка которого нас приютила на время остановки в пути. Базар находился рядом с привокзальным зданием, которое было деревянным, с резным крыльцом. На крыльце стоял часовой в серой солдатской шинели и с винтовкой на ремне. На поручне крыльца была установлена «сирена» для подачи сигналов о воздушном нападении противника. Солдат что-то сказал маме и указал рукой в сторону. Видимо, подсказал дорогу к базарчику. Что мы покупали (или выменяли), я не помню. Вдруг я услышал душераздирающий вой «сирены». Начался налет на станцию фашистских бомбардировщиков.

Вдоль дорожки, по которой мы возвращались с базара, были вырыты канавы, видимо, для отвода дождевой воды. Мама положила меня на дно канавы, а сверху закрыла своим телом. Кругом рвались бомбы, стреляли зенитки. Не знаю, сколько прошло времени, но вдруг наступила тишина. Мама встала, подняла меня на руки, и я увидел, что у нее лицо и шея ярко красные. Я сильно испугался и заплакал, а она меня успокоила, сказав, что раздавила ягоды, кулечек которых купила на рынке.

Что же предстало перед детскими глазами? Ни станционного здания, ни стоявшего на его крыльце солдата не было. На их месте зияла огромная дымящаяся воронка. На железнодорожных путях догорали вагончики — «тепушки». Кое-где перебегали военные, видимо, разгребая завалы и помогая раненым.

Второй эпизод непосредственного столкновения с войной произошёл на одной из железнодорожных станций, названия которой не помнит моя мама и тем более не могу помнить я. А дело происходило так. На станции остановились напротив друг друга два эшелона: один двигался в сторону фронта, а другой, в котором эвакуировалась и наша семья, направлялся в тыл. Мы с мамой и бабушкой вышли из вагона погулять на свежем воздухе, а солдаты, направлявшиеся на фронт, подождали нас и попросили меня почитать им детские стишки, которых я знал уже немало. Они подняли меня в свой вагон-теплушку, и я начал им читать стихи. Многие из них плакали, видимо, вспоминая своих оставленных дома детей. И вдруг их эшелон тронулся и начал набирать ход. Мама вскрикнула и побежала рядом с вагоном, пытаясь взять меня из рук солдат. Но оступилась и упала. В тот же миг какой-то младший командир, бывший в вагоне, выпрыгнул из него, затем взял меня из рук удерживавшего меня солдата, передал подбежавшей маме, а сам, заскочив в вагон, помахал нам рукой и крикнул: «До скорой победы!». Другие солдаты тоже махали нам на прощанье руками, что-то кричали, но стук колес набиравшего скорость поезда заглушал их голоса. Запомнились только их улыбающиеся лица и глаза, полные слез.

Мы добрались до г. Джамбула, где в госпитале после ранения лечилась другая моя тетя, старший лейтенант бронетанковых войск. Здесь мама в феврале 1942 г. родила брата, который вскоре чуть не умер от дизентерии. Помог ему выжить военврач, случайно встретивший мою маму, которая вся в слезах возвращалась из больницы, где при смерти лежал мой маленький недавно родившийся брат. Врач выслушал маму и дал ей таблетки красного стрептоцида (после войны эти таблетки были запрещены как ядовитые), которые и помогли вернуть к жизни брата.

Сегодня, спустя 65 лет, понимаешь, что у войны действительно не женское и тем более не детское лицо.

РАЗДЕЛ 2. СТУДЕНТЫ О ВОЙНЕ

Авакян Анна,

студентка 3-го курса факультета естественных и гуманитарных наук

Воспоминания моих родственников о войне

Все ветераны вспоминают 9 мая 1945-го с удивительными подробностями — по часам и даже по минутам. 1418 дней ада: война коснулась каждой семьи уже бывшего Советского Союза. История не знает более чудовищных преступлений, чем те, которые совершили гитлеровцы.

История каждой семьи, как история страны, хранит победы и трагедии великих времен — все рядом, все незабвенно. Мой дедушка (бабушкин брат) с маминой стороны, Осипян Сурен Ашотович, является непосредственным участником и ветераном Великой Отечественной войны. К сожалению, после войны он недолго прожил. И все, что мы знаем о нем — по рассказам бабушек и его свидетельствам наград, военной книжке. Встретил он войну на Северо-Кавказском фронте в январе 1943 года, когда находился в составе 9-го минометного артиллерийского полка в качестве телефониста. С июня 1943 года участвовал в боях Украинского и Белорусского фронтов.

В августе 1944 года получил серьезное ранение.

Приказом Верховного главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 31 января 1945 года за переход немецкой границы и вторжение в Брандербургскую провинцию нашему дедушке была объявлена благодарность. Позже, 2 мая 1945 года, удостоился благодарности за окружение и ликвидацию группы немецких войск юго-восточной области г. Берлин.

В конце войны дедушка Сурен был награжден:

- орденом «Красной Звезды» от 28 июля 1944 года;
- орденом «Отечественной войны II степени» от 4 августа 1944 года;
- орденом «Отечественной войны I степени» от 22 февраля 1945 года.

Также получил медали «За взятие Берлина» — декабрь 1945 г. (за участие в героическом штурме и взятии Берлина), «За победу над

Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945», «За освобождение Варшавы» — май 1945 г.

Я им горжусь и не сомневаюсь, что так же гордятся своими родственниками и близкими, участвовавшими в Великой Отечественной войне, и другие мои сверстники.

Анисимова Ксения,

студентка 2-го курса факультета естественных и гуманитарных наук

О трудовом подвиге Трониных Евдокии Аверьяновны и Анны Аверьяновны в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война... Эти три слова вызывают каждый раз при их произнесении содрогание, боль, гордость: сколько смысла в них вложено, сколько человеческих жизней и судеб. Война коснулась практически каждой русской семьи, моя не стала исключением.

У меня есть уникальная возможность — общаться с очевидцем тех далеких для меня военных лет. Это сестра моей прабабушки — Тронина Анна Аверьяновна, сейчас ей 87 лет, она ветеран труда, ветеран войны. Каждый раз она с радостью и болью вспоминает свою молодость, которая пришлась на войну. Вот, что мне за несколько лет удалось узнать о жизни моих прабабушек во время Великой Отечественной войны.

Моя прапрабабушка с двумя взрослыми дочерьми — Трониными Анной Аверьяновной и Евдокией Аверьяновной — приехала в маленький поселок в Ленинградской области в далеком 1933 году. Приехала из Брянской области, из деревни Невдольск в поисках лучшей жизни. Тогда в районе поселка только начались разработки месторождений торфа, строилось Ириновское торфопредприятие, гремевшее во время войны и после нее своими успехами.

Известие о войне все в семье восприняли с тревогой, но никто не опустил голову, решили работать еще усерднее на благо Ленинграда и всей страны. Так начались очень трудные, военные годы. Поселок регулярно бомбили немецкие летчики, так как через него проходила Дорога жизни, ниточка, соединявшая Ленинград с большой землей. Зимой 1942 года от голода умерла моя прапрабабушка, весь свой хлеб она отдавала родным и маленькой внучке. А ее дочери продолжали разгружать столь нужный, спасительный торф, работая ночами, днями, отдыхая только несколько часов в день, и все ради того, чтобы осажденный город жил.

В 1942 году дрова в блокадный Ленинград не поступали, и ждать их было неоткуда: город окружали враги. Только местный вид топлива — торф — мог дать городу тепло и свет.

На Ириновском торфопредприятии моя прабабушка, Евдокия Аверьяновна, возглавляла бригаду по добыче торфа, в которую входила и ее сестра — Анна Аверьяновна. Бригада была молодежная, из ленинградских женщин самых разных профессий и специальностей. Все они работали старательно, понимая значимость выполняемого долга.

Женщины были заняты тяжелой физической работой в любую погоду — в дождь, ветер, пургу и зной, а питались впроголодь — 200 грамм хлеба в день и все. Несмотря на трудные условия, бригада Трониной выполняла норму на 250%, за что и была награждена Почетной грамотой и переходящим Красным знаменем.

День вручения знамени Евдокия Аверьяновна запомнила на всю жизнь, об этом столь знаменательном дне мне рассказала ее сестра. От имени всех членов бригады она дала клятву, что не отдаст никому этого знамени до тех пор, пока Красная Армия не водрузит Красное знамя над Берлином. Клятву бригада сдержала. Знамя до конца войны оставалось у моей прабабушки. Сейчас это знамя хранится в музее Истории Ленинграда.

Анна Аверьяновна каждый раз с трепетом рассказывает о своих военных годах. Делает она это часто — приглашают в школы, приходят журналисты, прошу рассказать я. Эти рассказы каждый раз очень живые, хотя прошло уже много лет. Она говорит, что годы ее молодости, хоть и были тяжелыми, но жилось весело, душевно, окружали хорошие люди, чувствовалась поддержка, опора, трудная работа была даже в радость. Сейчас все не так, с грустью моя прабабушка смотрит на нынешнюю жизнь, молодежь, в большей части бездуховную, не помнящую и не знающую свою историю, не уважающую старшее поколение. Ей хочется верить, что все изменится к лучшему, но с каждым годом эта вера становится все меньше и меньше.

Мы должны помнить свою историю, гордиться тем, что родились в этой стране, со столь богатым и героическим прошлым. Я живу на Дороге жизни, спасшей блокадный Ленинград от гибели. И меня каждый раз переполняет гордость за моих прабабушек, за то, что они делали будучи молодыми, хрупкими женщинами во имя победы над фашистской Германией. Ведь победа во многом и сложилась не только на боях сражений, но и из таких вот, казалось бы маленьких подвигов обычного, трудящегося русского народа.

Три брата-солдата

День Победы для моей семьи — особенный. Родился я в прямом смысле на героической земле, рядом с моим домом стоит памятник героически павшим воинам. 9 Мая с семьей я по традиции приду к памятнику и возложу цветы, склоню голову у главного монумента, где под черными плитами покоится память о первых героях Великой Отечественной. Обязательно помяну тех, кто не вернулся из боя, не дожил до этой светлой даты, в том числе своих дедов... Мой прадед, дед, отец и вся их родня жили в Гудауте. У моего деда Звиада, уроженца того-же города, было еще два брата. Все трое добровольцами ушли на фронт. Дед Звиад войну начал полковым связистом и прошел с боями по городам России, Белоруссии, Польши, Германии. Участвовал в освобождении Кенигсберга, а смерть он героически встретил у стен поверженного позже Рейхстага. Дед не вернулся с войны в родной город. Я много раз представлял себе возвращение деда. Мне казалось, что вся его грудь была бы увешана боевыми наградами, но он почему-то редко надевал бы их, даже на парады, потому что человеком он был скромным и ни когда не кичился своими достижениями.

Каким был дедушка я плохо помню, но то, как о нем говорили его друзья, и дает мне основание так рассуждать. Дедушка Элизбар мало рассказывал нам, внукам, о войне, но даже те редкие, дорогие на эмоции рассказы об отваге и мужестве воинов я по сей день храню в памяти. Родной брат моего деда Элизбар ушел на войну, едва успев получить профессию тракториста. На фронте был танкистом, участвовал в боях под Курском, Смоленском, Варшавой, освобождал Австрию. Много раз дедушка Элизбар горел «в машине боевой», но выходил из огня целым и невредимым. Победу Элизбар «бабу» встретил в Вене под звуки знаменитого вальса. Он тоже вернулся в родные места, где до последнего своего дня работал в колхозе шофером. Самый младший из братьев, Гоча, воевал в пехоте. С победным маршем чуть-чуть не дошел до Берлина. Вернулся в родной город. Вот так и воевали три брата. Вместе защищали еще тогда «нашу» Родину от врага, вместе работали в одном колхозе с громким и дорогим сердцу названием «Сиамак».

9 Мая я обязательно еще раз расскажу своему младшему брату о трех его прадедах. Они выполнили свой долг до конца, каждый внес свой вклад в общую и долгожданную Победу.

Бабайлова Мария,
студентка 3-го курса факультета информационных технологий
и машиноведения

Горжусь подвигом своих родственников

Великая Отечественная — это самый страшный период в жизни моей Родины и дорогих мне людей. В 1941 году без объявления войны фашистская Германия напала на Советский Союз. За четыре года погибли миллионы людей, многие пропали без вести.

Люди героически сражались за освобождение от захватчиков в тылу и на фронте. За приближение дня Победы вместе со взрослыми трудились и воевали дети. В ту суровую пору они были не только жертвами — они становились воинами.

Дети по закону природы должны жить в мире, оберегаемом взрослыми. Их участие в боевых действиях подчеркивает трагичность тех событий. Говоря о Великой Отечественной войне, я не могу не затронуть судьбу моих родственников, напрямую связанную с этим периодом. Мои бабушки тогда были совсем юными девочками, им пришлось испытать всю горечь войны до дна.

В первые дни войны Витебск бомбили. Враги уничтожили эшелон с новобранцами (18–20-летние парни). Члены партии, комсомольцы организовали городское подполье, многие ушли в партизаны. В одном из этих отрядов оказался мой дедушка, Волков Андрей Кириллович (отец моей мамы). Этот партизанский отряд базировался в лесу Торгоши Витебского района. Дедушка командовал вторым батальоном. Позже стал заместителем командира отряда и командиром особой разведгруппы. Он воевал за освобождение Белоруссии от фашистских захватчиков в Гомельской, Гродненской, Минской областях. В одном из боев дедушка был пленен. Его схватили в плен фашисты и отправили в концлагерь в Германию. Тогда же пропал его ординарец Саша, которого дедушка пытался искать после войны, но так и не нашел.

В концлагере дедушка выжил благодаря земляку — молодому парню, который работал на кухне, тайком выносил картофельные очистки и передавал их дедушке. Из плена их освободили советские войска. Войну дедушка закончил в действующей армии. Вернулся на

Родину в звании старшего лейтенанта с множеством наград. Дедушка не любил рассказывать о войне, ему было сложно вспоминать этот период, поэтому многое осталось неизвестно.

Моя бабушка, Михеева Антонина Макарова, жила на окраине Витебска. Ей было 18 лет, когда началась война. Отец бабушки умер еще до войны, но, поскольку он был директором совхоза, семью бабушки арестовали. Молодых девушек и ребят фашисты гоняли на принудительные работы. Линия фронта уже подходила к городу, из громкоговорителя раздавались лозунги: «Бить фашистскую гадину!». Мою прабабушку с пятью дочерьми и двумя маленькими внуками погрузили в вагон для скота и отправили в Германию, в концлагерь города Штутгарт. Там их кормили баландой из ботвы и червяков. Из лагеря их отправили на сельхозработы в селение Квигель, рядом с городом Грейвальд. Они жили на чердаке какой-то хозпостройки. Было им и голодно, и холодно, и страшно, они были вынуждены батрачить на немцев. Их освободили советские войска 9 мая 1945 года, погрузили на открытую платформу и повезли на восток. В Гродно их «проверяло» НКВД, пытались выяснить: не являются ли они шпионами, сотрудничавшими с фашистами. Вернулись в разбомбленный, сожженный Витебск, дома не было. Эта многострадальная земля изрыта окопами, блиндажами, в лесах до сих пор есть захоронения неизвестных солдат. Не раз, собирая грибы, я видела колючую проволоку, патроны, ржавые каски. Вот она, война, рядом!

Большое танковое сражение 1943 года на Курской дуге оставило свой след в моей семье. Волею судьбы моя бабушка, Наталья Борисовна (мама моего папы), оказалась в городе Короча Белгородской области. Хочу привести выдержки из воспоминаний Кузнецовой Татьяны Борисовны (сестры моей бабушки) о тех днях: «В городе шли бои, артобстрелы, постоянные налеты немецких бомбардировщиков, шли и шли войска. Вереницей шли танки, гудела земля, были переселения жителей в связи с маскировкой, жизнь на волоске от смерти». «Помню, шли танки, множество танков. Теперь я понимаю, что они стягивались к Прохоровке, к тому самому сражению. Мы, дети, подобно всем деревенским жителям, выбегали поглядеть. Гул стоял страшный. Гудела земля под гусеницами. Мальчишки орал: «Танки, танки идут...». Сколько их было — не счесть. Рядом с каждым танком шла собака — овчарка, у нее к брюху была привязана бутылка с горючей смесью. Сколько живых душ прошло перед нами на «бойню», называемую "священной войной"».

В одном из этих танков скорее всего был мой прадед, Бабайлов Александр Леонидович. Он погиб в той битве 1943 года под Прохоровкой, сгорел в танке.

С тех пор прошло уже много лет. Увидев краешек той страшной войны, я не хочу, чтобы она повторилась!

Багаутдинова Руфина,
студентка 3-го курса факультета информационных технологий
и машиноведения

Война унесла моих родственников

Чуть больше 60 лет назад над Европой нависла угроза: фашистская Германия хотела поработить мир. И все бы получилось у Гитлера, да не рассчитал он свои возможности, самый большой кусочек оставил на потом — вот и подавился. СССР только с виду казался таким молодым и наивным, однако, пока Гитлер резвился на западе, Сталин кусок за кусочком закрашивал Восточную Европу в красный цвет: страны Прибалтики, Румыния. Параллельно шла подготовка к войне с Германией.

И 22 июня 1941 года германские войска пересекли советскую границу — началась Великая Отечественная война. Гитлер хотел одним молниеносным броском положить СССР на обе лопатки, да не тут то было, советские граждане, как единый организм, слегка растерявшись в начале, но, твердо веря в победу коммунистического строя, подсечками (в лице партизан) и контрударами, а также благодаря удачному стечению обстоятельств (крепко морозец щипал в 1945 году), не только защитил себя, но и сдачу сумел дать так, что Германию потом по кусочкам собирали.

Для всего советского народа война стала частью жизни, она влезла в их кровь. Наверное, нет ни одной семьи, которую ни коснулась бы общая беда.

Но время проходит, люди умирают. Ветеранов уже можно заносить в Красную книгу, их остались единицы. Да и среди живущих остались только те, кто были подростками в годы войны. Даже 9-е Мая уже хотят отменить в виду отсутствия участников.

Я думаю, что для большинства россиян Великая Отечественная война всего лишь глава в учебнике истории, всего лишь одна из многих войн за историю существования человечества, разве что она последняя из всех, коснувшихся непосредственно всей нашей страны.

Да, она объединила людей; да, она показала еще раз, что Россию сложно сломить — но это всего лишь одна из войн, ежедневно идущих по всему миру, разве чуть помасштабней.

В общем, Великая Отечественная война для меня всего лишь война. Она унесла жизни моих прадедов, которых я бы все равно не увидела. Поэтому она не является для меня чем-то очень важным и великим. Возможно, я не права, и пенсионеры обругали бы меня за черствость, но я верю, что все что происходит — это к лучшему.

Гореликова Ирина,
студентка 5-го курса факультета дизайна

Бабушка вспоминает...

Конкретно о Московской битве в моем рассказе ничего написано не будет. Но все ниже сказанное имеет прямое отношение к тому времени, беспощадным действиям немцев к нашим и к моей бабушке... написано по просьбе Вашей кафедры.

Итак. Сложно вот так просто взять и начать спрашивать человека, прошедшего ужасы того времени. Все равно, мне кажется, нам этого до конца не понять. Не прочувствовать. Сразу хочется отдать дань благодарности всем тем людям, которые отстояли своей кровью то время, в котором мы живем сейчас. Ведь на самом деле у нас самая независимая страна! И если бы ни их героизм, кто знает, как бы мы сейчас жили...

Бабушка моя родом из Беларуси. Так как немцы наступали на Москву через Беларусь, следовательно, жители белорусских деревень первыми подверглись наступлению. Немцы занимали дома. Хозяева своих избушек вынуждены были уходить и жить в банях, прятаться в землянках. Для моей бабушки до сих пор самым страшным воспоминанием с высоты лет является именно такая ситуация. Она никогда не забудет, как она вместе с моим дедушкой бежали в землянку, что выкопали неподалеку от своего дома, дабы сохранить жизни свои. И то жуткое волнение, которое оглушает сознание до такой степени, что перестаешь внятно думать. В голове только одно — «только бы не нашли, только бы не убили»... Вход в такие землянки закрывался плотным покрывалом из ветвей деревьев, травы.

Большинство, те кто мог, уходили в партизаны. Они всячески препятствовали немцам. Через область, в которой жила моя бабушка, проходила железная дорога. Во время наступления немцев и освоения

на нашей территории партизаны местами взрывали ее. Это стало причиной холодной расправы — немцы сожгли деревню. В то время пожгли много деревень. В редком случае оставались целыми 3—4 дома. Беларусь была оккупирована. Погибал каждый четвертый. Так осколком пули убило бабушкиного брата.

Вместе с врагом пришло много болезней. От тифа умерла бабушкина мама. Немцы также расстреливали хозяев дома, которые прятали у себя солдат. Они везде устанавливали свои порядки. И если кто-то не соблюдал их, то моментально вершилась расправа. Не щадили никого!

Зайнуллина Евгения,
студентка 3-го курса факультета информационных технологий
и машиноведения

Не забудем героев войны

Каждый раз, пробуждаясь ото сна, мы открываем глаза и видим перед собой, казалось бы, самые обычные вещи, потихоньку приходим в себя, и нас посещают мысли, все равно какие, но, главное, также самые обычные, не противоречащие принятым в современном обществе взглядам и мировоззрениям. Но задумывался ли кто когда-нибудь, что нашей современной жизни, такой, какую мы ее видим сейчас, могло бы и не быть? Мы могли бы проснуться не в теплой мягкой постели, а на холодных жестких досках, проснуться не от красивого пения птиц, а от душераздирающего стона истязаемых людей и звона цепей, проснуться не с приятным легким ощущением, а с нестерпимой болью. Так что же определило то, что мы сейчас можем иметь первое, а не второе? Самой последней в нашей мировой истории такой порядок определил исход Второй мировой войны. В наше время можно найти немало тех, кто готов с бесстыдством в глазах поставить эту победу в заслугу своему ближнему или, в крайнем случае, обезличить истинного победителя. Так кто же настоящий победитель и избавитель от смерти и вечного рабства?

Начнем с Германии, страны агрессора, которая ко второй половине 30-х годов XX века выходит на ведущие места в мировой экономике. Общество же очень хорошо сплочено на почве нацизма, также идет возрождение военной мощи. Отсюда следует, что такое государство, как Германия или Третий Рейх, как ее тогда называли нацисты, могло сокрушить только такое же сильное и могущественное

государство. На тот момент в мире существовали следующие державы, которые, как тогда считали, могли дать отпор Германии: США., Великобритания и Франция. Но вышеперечисленные державы в первые же годы войны оказались в довольно интересном положении. Франция оказалась почти полностью оккупированной, США. заняли выжидательную позицию, говоря о Великобритании, было бы неплохо сравнить ее с загнанным в угол зверем. Да кто бы мог подумать в то время, что «непобедимому» Третьему Рейху смерть принесет обычный парусник в гимнастерке с красной звездочкой на груди, свидетельствующей о его принадлежности к СССР. Победа над таким врагом кажется невероятной, если учитывать тогдашнее положение русского народа, народа, сочетающего в себе самые противоречивые качества: силу и слабость, сплоченность и разобщенность, трудолюбие и склонность к лени, оптимизм и пессимизм, пристрастие и равнодушие, великодушие и в какой-то мере жесткость. Но в 41-м русский народ вспомнил, что он не всегда ленив, разобщен, холоден, пессимистичен; он вспомнил, что он может быть и трудолюбивым, и беспощадным к врагу. Большинство людей тогда верили в Бога как в последнюю надежду в справедливость, защитника свыше. «В первый день войны... Мама стояла вечером у окна и молилась. Я не знала, что моя мама верит в Бога. Она долго смотрела на небо...» (Ефросинья Бреус, капитан, врач). «В тот день мне исполнилось 18 лет... Я счастливая, а все вокруг кричат: «Война!». Помню, как люди плакали, все плакали. Другие молились. Было страшно. Непривычно. Люди на улицах молятся, крестятся...» (Серафима Панасенко, младший лейтенант, фельдшер мотострелкового батальона). «Я думала, что материалистка, притом ярая. А на самом деле я верю в дух, в то, что человеком правит дух. На войне я в это поверила» (Александра Храмова, секретарь подпольного райкома партии).

Одним словом, русский человек во Второй мировой войне снова выполнил свой долг перед Богом, избавил мир от страшной напасти, подарил нормальную человеческую жизнь всем людям. Слово «русский» в СССР стало символом гордости.

Русский человек того времени всегда будет для нас героем-освободителем, честно выполнившим свой долг.

В ходе Второй мировой войны, которая на территории России началась в 1941 году, погибла десятая часть ее населения, а именно 25 млн человек. Эти люди также хотели жить и радоваться жизни. Могут ли они быть забытыми?

Их детство выпало на войну

Из воспоминаний моей бабушки.

Мне не было еще и четырех лет, когда началась война. Мы жили на улице Воинова, сейчас она называется Шпалерная, дом 42. Наш дом находился напротив военного училища, рядом с Таврическим садом. На нашей улице была еще одна достопримечательность, так называемая «водокачка», ее-то и бомбили враги, а в Таврическом саду стояли наши зенитки, поэтому на улице были воронки от бомб.

В памяти сохранилась одна очень тяжелая ночь, проведенная в бомбоубежище, когда я тяжело болела. А еще до сих пор помню вкус столетнего клея.

Мой папа работал на Металлическом заводе инженером и ходил зимой на работу пешком по льду через Неву, это было ближе, чем по Литейному мосту. Моя тетя, которой тогда было девятнадцать лет, тоже работала на этом заводе, выполняла работу по ремонту танков, смывая с них грязь и кровь, ведь они прибывали на завод прямо после боев, а после работы она принимала участие в ликвидации фугасных бомб.

Моя бабушка ходила на рынок и меняла на еду все, что было дома ценного, вплоть до старинной куклы, которая умела говорить и ходить. Это помогло нам выжить в блокаду. Мы жили в коммунальной квартире с очень хорошими людьми и помогали друг другу чем могли. От голода умер мой дедушка; мы отвезли его на кладбище, что находится на Охте, помог наш родственник.

Когда завод стали эвакуировать в город Юргу, то туда же отправили и моего отца с семьей, т. е. с нами.

Эвакуировали нас по Ладого. Пока мы ждали своей очереди на баржу, на наших глазах под обстрел попала баржа с людьми и затонула.

Почти месяц добирались мы до Юрги по железной дороге в вагонах, в которых до этого возили скот.

В Ленинграде остались тетя и бабушка. Они отапливали комнату книгами и мебелью и выжили, не смотря ни на что. После окончания войны мы вернулись в свою квартиру.

Воспоминания моего дедушки.

Мне в то время было восемь лет, но отдельные эпизоды остались в моей памяти до сих пор.

Наш дом находился на углу Обводного канала и Международного проспекта (ныне Московский проспект). Однажды в нашу комнату попал немецкий снаряд. Он разворотил стену между окнами и упал, не взорвавшись, на кровать. Бабушка сильно испугалась и вызвала военных. Они выставили всех во двор и стали осматривать снаряд. Оказалось, что в нем не было взрывателя, а на его месте была свернута в трубочку записка: «Привет от немецких антифашистов!». Так был сохранен дом и много жизней.

Эвакуировались мы вместе с мамой, все происходило в спешке. Мне не разрешили брать с собой ничего лишнего. Но я сумел спрятать в карман рогатку, чтобы стрелять из нее по фашистам.

Погрузили нас в товарные вагоны-теплушки. Народу туда набилось много. Мы с мамой пристроились у стенки под окошком-люком.

Утром нас разбудил стук в дверь теплушки. Кто-то кричал, чтобы мы быстрее выходили, так как нас атакуют вражеские самолеты. Началась паника, люди выскакивали из вагонов и прятались под ними. А военный кричал на нас и почему-то гнал из под вагонов в лес. Люди этого не понимали и сопротивлялись, а он кричал, что самолет бомбит эшелон.

Помню, как мама схватила меня за руку и потащила подальше от вагонов. В это время раздалось громкое тарахтение пулеметов. Это фашистский самолет на бреющем полете обстреливал вагоны. Летели щепки, свистели пули, и мы в страхе упали в какую-то яму. Помню, как мама накрыла меня своим телом, а голову еще и маленьким чемоданчиком, в котором, как я знал, были деньги и документы.

А самолет возвратился и снова начал стрелять. Ему удалось попасть в паровоз, и тот окутался клубами пара.

Сделав свое «черное» дело, самолет улетел, а мы вернулись к своим вагонам. Помню, как потом нас долго дергали назад-вперед, после чего мы поехали. Вдруг люди, стоящие у полуоткрытых дверей, закричали: «Самолет!» В окошко хорошо было видно, что рядом с нами летит самолет. Но люди уже научились по звуку мотора отличать наши самолеты от фашистских: «Наш, нас сопровождает!». И нам сразу стало спокойно.

И опять пошла жизнь «на колесах»: кипяток на станциях, хлеб, овощи у старушек и разговоры о том, куда нас везут.

А привезли нас в город Киров, и что меня поразило, впервые за долгие дни я увидел, что город живет. В нем горел свет на улицах,

машины ехали с зажженными фарами, а в буфете были бутерброды и вареные яйца.

Вот самые яркие воспоминания об осажденном Ленинграде и эвакуации из него.

Кравчук Олег,
студент 3-го курса факультета информационных технологий
и машиноведения

*Смогли б ли мы, оставив их вдали,
Прожить без них в своем отдельном счастье,
Глазами их не видеть их земли
И слухом их не слышать мир отчасти?*

А. Твардовский

Ветераны войны — пример для нас, молодых

С каждым годом события Великой Отечественной войны становятся все дальше и дальше, и все реже и реже они вспоминаются. И уже 9-е Мая для многих — просто дополнительный день отдыха. По телевидению зачем-то в этот праздник показывают фильмы про Чеченскую войну. Как можно сравнить две эти войны и подменять героизм и любовь к Родине на желание заработать и нажиться? Неужели наши ветераны заслужили такого сравнения?

Ведь они не получали материальных наград за то, что сражались за родину; только любовь к своей стране, к ее прошлому и будущему, нравственный мир человека, его внутренняя человеческая сущность и пониманием своей личной ответственности подвигала их на подвиг. Именно участники Великой Отечественной войны должны быть нашими кумирами — патриотизм, мужество и умение сохранить человечность после жестокости войны — лучшие качества, которые могут быть у людей.

Наши бабушки и дедушки — это люди, благодаря которым сохранилась наша культура, история, традиции. Они принесли в жертву свои жизни за будущие поколения. А мы их забываем, позволяем стереть нашу память тем врагам, которые борются с нами не оружием, а информацией, подсовывая нам свои ценности и свое мировоззрение.

Манько Надежда,
студентка 2-го курса факультета естественных и гуманитарных наук

Горжусь своими предками

Мой прадедущка, Манько Владимир Ильич, родился в феврале 1915 года в станице Кухаревка под Ейском.

Его отца, Манько Илью Григорьевича, пытались арестовать за участие в гражданской войне на стороне белоказачков, однако мать моего прадеда, Манько Матрена Павловна, сообщила мужу о предполагаемом аресте, и он смог бежать. Тем не менее, Матрену Павловну арестовали, и два года она провела в заключении, после чего переехала с детьми в город Ростов-на-Дону.

Владимир Ильич в 1937 г. окончил Учительский институт, затем был направлен директором в школу хутора «Красный Казак» Аксайского района. В 1939 г. Владимир Ильич был переведен директором (пошел на повышение) средней школы станицы Ольгинской Аксайского района Ростовской области.

В 1939 г. он поступил в Ростовский государственный университет.

В 1940 г. был призван на военную службу и назначен старшиной взвода разведки. За участие в войне был награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За оборону Ленинграда».

С начала Великой Отечественной войны Владимир Ильич служил в армии, окончил офицерские курсы и был назначен командиром роты артиллерийской разведки. Воевал на Сталинградском, Калининском и Волховском фронтах. Участвовал в снятии блокады Ленинграда.

В течение 1943—1944 гг. был четыре раза ранен. После освобождения Ленинграда воевал на Прибалтийском фронте. Принимал участие в освобождении Прибалтики в качестве командира роты артиллерийской разведки 313-го артиллерийского полка.

6 августа 1944 года Владимир Ильич проводил разведку за линией фронта и был ранен в живот. Он пролежал с ранением 12 часов под деревней Силабелли неподалеку от Даугавпилса в Латвии. Затем мой прадед погиб в бою.

В 1972 г. мой дед, Манько Юрий Владимирович, разыскал могилу своего отца, и его перезахоронили на братском воинском кладбище.

Мой дед, Юрий Владимирович, рассказывает: «После очередного ранения, четвертого по счету, папа (Владимир Ильич) получил отпуск

и 4 мая 1944 года приехал в Ростов. В это время наша семья находилась за 15 километров от города, в деревне. Не теряя ни минуты, он взял велосипед и поехал к нам. Все время его отпуска мы провели все вместе. Он был очень добр и внимателен к нам. Когда он уезжал, всем было тяжело прощаться. Семья, друзья, знакомые — никто не хотел его отпускать. Он чуть не опоздал на поезд. Вздвинулся на подножку вагона и уехал, а мы так и смотрели ему вслед, пока поезд не скрылся из виду...».

В нашей семейном архиве сохранились письма, которые он писал с фронта своей семье, матери и сыну.

Волкова Юлия,
студентка 2-го курса факультета естественных и гуманитарных наук

Война — это прежде всего расставания.

А. Барто

Самая ценная реликвия нашей семьи

Мой прадедушка, Жарков Сергей Семенович, родился в 1904 г. в Московской области в семье крестьян. В 1927 г. он женился на Евдокии Васильевне Локтевой. В 1931 г. у них родилась дочь Лида, а в 1936 г. — дочь Рая (моя бабушка). Жили они дружной семьей. Прадедушка был высокий, красивый и работающий. До войны работал в рыболовецкой артели. Жили они на реке Ока, рыбы там ловилось много, они возили ее в город Коломну. Прадедушка летом 1941 г. в сенокосную пору часто брал своих дочек с собой в луга. Он косил, они собирали луговую землянику. Никто не думал о плохом.

Известие о начале войны получили в селе по радио. Деревня была большая — около 200 домов. Радио было проведено там с 1937 г.

Моя бабушка Рая (дочь Сергея Семеновича) помнит, как провожали на войну отца. Рано утром в августе 1941 г. все селяне собрались у сельского совета. Мой прадедушка, Сергей Семенович, и те, кто призывался в армию, сели на подводы, запряженные лошадьми. Их повезли в районный центр Луховицы (до Москвы оттуда около 4 часов езды).

Через несколько дней родные получили письмо от него, датированное 01.09.1941 г., в котором он сообщил, что они находятся

в городе Щурово Московской области. Его жена оставила маленьких дочек на старенькую бабушку и поехала к нему туда.

Моя бабушка Рая вспоминает, как немцы бомбили очень часто товарную железнодорожную станцию, которая находилась на другом берегу реки Оки, но ни одной бомбы не попало в вагоны и на рельсы. Они, будучи детьми, бегали смотреть, как взрывались снаряды в воде, так как это было похоже на фонтан.

Потом прадедушка прислал еще несколько писем и фотографию, на которой вместе сфотографировались пять солдат-односельчан. В письме от 30.08.1941 г. он пишет: «Нас обмундировали, теперь я числюсь бойцом. 30 числа нас выгоняют дальше. Когда свою одежду зашивал на почте в сумку, то я огорчился, а слезы градом лились». В следующем письме Сергей Семенович извиняется, что «писал на скорую руку в вагоне города Наро-Фоминска. Когда приеду на место, тогда пришлю ответ. Нас гонят по дороге на Киев. Затем прощайте. Больше не увижусь с вами. Прощайте, прощайте дети».

Из письма от 2 октября 1941 года узнали, что «ранило Михаила Ивановича Матякина, левую ногу прочь отбило осколком от снаряда выше колена».

Читать эти строки без слез очень трудно. Моя бабушка, вспоминая отца, часто плачет, хотя она была совсем маленькая девочка, когда его не стало.

Из последнего дедушкина письма от 2 февраля 1942 года я узнала, что он находился с частью в лесу, вероятно, под Смоленском. Он писал, что ночью ему было холодно: «сейчас морозы — вода мерзнет и снежок порошит; спать очень холодно стало в одной шинели». Просит прислать ему 10 конвертов и бумаги. Это было его последнее письмо.

Жаркову Сергею Семеновичу было тогда 37 лет.

Бабушка, Раиса Сергеевна (дочь Сергея Семеновича), помнит, как весной 1942 г. принесли в их дом извещение о том, что ее отец пропал без вести. Мама моей бабушки просидела на стуле весь день и только плакала. Замуж она больше не вышла.

У моего прадедушки было еще 4 брата, все они тоже воевали, но остались в живых только двое.

Дедушкины письма (их 6) хранятся в нашей семье. Это самая ценная реликвия. И по нашей семейной традиции в День Победы 9 мая мы зачитываем вслух эти желтые листочки, написанные «химическим карандашом» в далеком и трагическом 1941 году. И в памяти нашей навсегда будет жить воспоминание о всех тех, кто не пришел с войны, защищая свои семьи, дома, Родину от врага.

Мои родители, бабушка длительное время пытались узнать о месте гибели прадедушки, но в Госархиве сообщили, что точных сведений о погибших не сохранилось, так как это было только начало войны, было много погибших.

А в селе Слемские Борки в Московской области на берегу реки Оки стоит памятник односельчанам, не вернувшимся с войны, и начертано на нем более 50 фамилий.

Минкеева Лейла,
студентка 3-го курса института прикладных искусств

Что я узнала из рассказов моей бабушки

Из рассказов моей бабушки о войне я уяснила, что война не проходит стороной ни одного человека, тем более такая глобальная, какой была Вторая мировая.

Когда началась Великая Отечественная война, у моей бабушки было 7 детей, и в первые дни муж и трое сыновей ушли на фронт. Каждый день для нее был мучительным, в поселке, в котором жила моя бабушка, остались только старики, женщины и дети. Всю тяжелую мужскую работу по хозяйству приходилось выполнять самой, но самое тревожное было ожидание известий о судьбе своих родных, которые проливали кровь за свободу своей страны от немецкой экспансии. Это были тяжелые годы для всей нашей многонациональной страны. Горе поджидало каждого жителя в любую минуту.

Когда в поселок пришли немецкие войска, начался ужас, который не приснится даже в самом кошмарном сне. Немецкие солдаты стали грабить, угонять скот, проводили массовые казни над теми, кто оказывал сопротивление правилам, которые они хотели установить. Особенно ей становилось страшно, когда начинались бомбежки. Люди не знали куда спрятаться. «Не дай бог тебе это пережить, когда начинается бомбежка, — говорила мне моя бабушка — все вокруг свистит, взрывается, земля начинает трястись, и в эти минуты просто сжимаешься в комок и лежишь, не зная куда спрятаться».

Эти ужасы продолжались почти год. Затем, когда Советские войска начали отеснять немцев на запад, еще одно горе постигло калмыцкий народ. По приказу Сталина 28 декабря 1943 года в течение 24 часов все население республики было погружено в товарные вагоны без теплой одежды и еды, и как врагов народа, объявив предателями Родины, отправили в ссылку в Сибирь. Вагоны не отапливались,

людей не кормили, каждый день в вагоне умирали по несколько человек. Тела умерших просто выкидывали из вагонов на остановках. Всех солдат — калмыков снимали с фронтов и также депортировали. «Когда нас привезли в Сибирь, нас выгрузили из вагонов на мороз, мы не знали, куда нам идти и где жить, хорошо, что местные сибиряки нас приняли в свои дома». И уже последующие 13 лет моя бабушка жила в Сибири. Затем, когда главой ЦК КПСС стал Н. С. Хрущев, народ был реабилитирован, и все возвратились на свою родину, в низовье великой реки Волги. Вот такими запомнились годы войны для моей бабушки.

Что же касается моего взгляда на происходившее в те годы, это было тяжелое испытание для всего народа Советского Союза. Это было время потерь и слез, горя и несчастья, которые коснулись каждого жителя не только нашей страны, но и всего мира в целом. Поэтому она и называлась Второй мировой.

И еще хочется добавить такое пожелание, чтобы больше на земле не было войн, так как от этого никому не бывает хорошо. Война это всегда плачь матерей погибших солдат, смерть невинных и огромные потери и разрушения.

Нестерова Марина,
студентка 3-го курса института прикладных искусств

Военная молодость моей бабушки

Почти ни у кого из моих сверстников не осталось бабушек. А вот я — одна из тех немногих, кто может похвастаться, — у меня бабушка есть! Родилась она в далеком 1924 году, и сейчас ей уже 82. Зовут ее Александра Захаровна Ладнер. Живет она вместе с моей семьей. Ее комната завешана коврами и иконами, подоконник заставлен цветами, тихо говорит телевизор на комод, — здесь царят чистота и спокойствие. Бабушка уже не выходит из дома, и ее комната — это ее маленький мир, сотканный из заботы о нас, мудрости и воспоминаний. Приезжая домой, я люблю подолгу сидеть рядом с ней на диване, рассказывать ей о своей жизни в Санкт-Петербурге, обсуждать последние новости из телевизора и, конечно же, проникаться воспоминаниями из ее прошлого.

У моей бабушки серо-голубые глаза и длинные, до пояса, волосы. Она говорит, что старым неприлично иметь такие длинные волосы, и прячет их в косы. Но седина коснулась ее черных волос лишь пару лет

назад, и даже я еще помню ее лицо, не тронутое старостью. Сейчас ее округлые щечки обвисли, на высоком лбу появились морщинки, потускнел цвет губ, и голос стал глубоким и спокойным. Ходит бабушка медленно, жалуется на слабость и бессонницу, но, вместе с тем, обладает ясным умом и прекрасной памятью, — помнит события в деталях, называет фамилии людей, с которыми когда-то сводила судьба. Часто она вспоминает свою военную молодость.

Когда началась война, ей было 17 лет. Ее семья жила в Ульяновской области, а бабушка была на торфоразработках в деревне Тейково Ивановской области, куда завербовалась на заработки. 22 июня 41 года в 6 часов утра в общежитии, где она жила, Юрий Левитан объявил по радио, что началась война. «И что же со всеми было после такого страшного известия, бабушка?» — спрашиваю я. «Все плакали», — вздыхает она. Еще 2 года бабушка трудилась в Тейково, наблюдая как над деревней пролетают немцы. Вспоминает она страшное событие, как однажды над ними кружили немецкие самолеты; никого не выпускали из столовой, опасались: увидят людей — начнут бомбить, но все, к счастью, обошлось.

В апреле 43 года у бабушки умерла мама (звали ее Марина и в честь ее потом назвали меня). В этом же году бабушку вместе с другими торфоразработчиками отправили в Инземский район рыть окопы. После четырех месяцев тяжелой работы их отпустили домой. В поездку не брали рабочих, и до Ульяновска они шли пешком по железной дороге. Проезжающие мимо солдаты предлагали подвести, но за «некую» плату, и некоторые девушки соглашались. Бабушка вместе со всеми шла 18 суток. Ночевали у добрых людей. Некоторые их кормили, а иногда приходилось просить милостыню, чтобы не умереть с голоду.

Был декабрь 43-го, бабушка пробыла дома всего 4 дня, когда пришла повестка, принуждающая людей схать на Урал добывать уголь; в их числе оказалась и моя бабушка. На Урале вместе со всеми она работала от темна до темна на благо русского фронта — поднимала из шахты тяжеленные бады с породой. Работа была тяжелая, условия для жизни плохие: жили они в тесных холодных бараках вместе с мужчинами, кормили их мороженой картошкой, соленой рыбой и хлебом. «Но несмотря ни на что, — рассказывает бабушка, — жили мы дружно, по праздникам пели и плясали... и влюблялись». В эти страшные годы параллельно бабушкиной жизни протекала еще одна жизнь, которой предписано было слиться с бабушкиной воедино. Молодой человек, Александр Ладнер заканчивал московский

университет, когда началась война. Ему оставалось лишь защитить диплом, но он был выслан из Москвы на Урал как представитель немецкой национальности.

Два человека, ведомые навстречу друг другу, встретились. В бараке они занавесили свой уголок и вместе скоротали еще один страшный год.

Бабушка работала старшим рабочим на буровой вышке. Отработав третью, ночную смену, она вместе с другими женщинами ждала первую. Но смену сдавать было некому, через пару часов они оставили на вышке дежурного и отправились в поселок Гремячий узнать, в чем дело. Шли вдоль железной дороги и встретили своего рабочего, который нес им прекрасную и долгожданную новость: война закончилась! Слезы радости хлынули из глаз женщин, они обнимали и целовали друг друга. Несмотря на тяжелую рабочую ночь, они почувствовали прилив сил и на всех парах помчались в поселок. «Большая площадь была заполнена людьми, и кто плакал, кто смеялся, кто пел...», — говорит бабушка, глядя невидимым взором в свое прошлое.

Для меня бабушка — это воплощение мудрости, справедливости, выносливости, терпеливости и мужества. Мужества, с которым она перенесла все тяготы военной жизни. Еще одно страшное событие, о котором не принято говорить в нашей семье, постигло бабушку в эти годы — война унесла ее первую дочку... Но война не сломила ее — вера, стойкость духа и любовь помогли ей выстоять; она была терпеливой заботливой женой и остается замечательной матерью и любящей бабушкой. После войны бабушка и дедушка остались на Урале и пробыли там 10 лет. Они воспитали троих прекрасных детей и прожили вместе более полувека.

Пискалова Марина,
студентка 4-го курса факультета экономики и менеджмента

Портрет ветерана Великой Отечественной войны

Наш город, Санкт-Петербург, принял на себя всю тяжесть удара фашистских войск в Великой Отечественной войне.

Великая Отечественная война прошла черной грозной тучей по нашей земле. Наш город находился под тяжким бременем фашистской оккупации. Война унесла с собой миллионы жизней и оставила страшный след в памяти выживших. Но несмотря ни на что, наш

русский народ сумел пройти через все эти испытания и победить в этой войне. Сейчас о той войне вспоминают все реже и реже. Время идет, забываются те страшные события, забываются герои тех времен. И только накануне дня победы в Великой Отечественной войне люди повсеместно начинают вспоминать о ней. Что же мы знаем об этой войне? Многие (особенно молодое поколение) сейчас и не назовут точную дату начала этой кровопролитной войны. Это очень печально и ужасно. Я считаю, что все это оттого, что мы мало знаем о нашем прошлом. Нас больше интересует настоящее и, главным образом, будущее. Но история учит нас, что без прошлого нет будущего. Историю тех трудных времен вершили наши прадеды и деды, нынешние ветераны. С каждым годом их становится все меньше и меньше... В недалеком будущем не останется в живых свидетелей тех событий.

Если мысленно пройти по петербургским улицам, то можно обратить внимание на то, как много улиц названо в честь героев Великой Отечественной войны. Это не просто улицы города Санкт-Петербурга, это выдающиеся люди, каждый из которых внес свой вклад в историю нашей родины, повлиял на наше настоящее время, в котором мы живем. И это только те, чьи имена увековечены в названиях улиц. А сколько простых людей остались неизвестными?!

Сейчас на улицах города сплошная суета, да и время сейчас такое. Но вот, давайте посмотрим: по улице идет, совсем не спеша, маленький старенький дедушка, до которого нам совсем нет дела, у нас своих забот полно. Еще кто-нибудь может и толкнуть его, мол, не мешайся тут, старик. И люди даже не задумываются о том, что именно этот дедушка дал нам свободу и мирное небо над головой. Да-да, именно он. Каждый человек, участвовавший в этой войне, дал нам свободу, каждый солдат, офицер совершил свой подвиг.

Сначала я хотела написать про своего прадедушку. Он был ветераном Великой Отечественной войны. Прошел всю войну от начала и до конца. Принимал участие в обороне Санкт-Петербурга, был несколько раз ранен. Войну закончил командиром батальона. За участие в войне он был награжден различными медалями. Я передумала потому, что я решила, что это было бы несправедливо писать про кого-то отдельно и конкретно. Нужно понимать то, что таких людей очень много и выделить кого-то определенного очень сложно и не честно по отношению к остальным. Мне показалось, что лучше написать про всех этих героических людей, подвигу которых мы будем благодарны всю свою жизнь.

Каждого человека лучше всего характеризуют его лицо, глаза, руки и, конечно же, его дела, поступки.

Так какое же оно, лицо ветерана, в наши дни? Давайте вместе посмотрим на эти лица глубже и внимательней. Как правило, это уже совсем пожилые люди, с белыми, будто снегом усыпанными, волосами. Их лица все в морщинках, которые словно скупые строчки с пожелтевших писем тех времен. В этих письмах мы можем прочесть историю их жизни. Ту историю, которую они смогли пронести через все эти года. И, несмотря на все невзгоды, выпавшие на их век, эти люди стараются никогда не стареть сердцем и душой. К сожалению, на их сухих губах не часто можно застать улыбку. Их молодость прошла в тяжелое время, да и сейчас их жизнь сложно назвать легкой. Перенесенные испытания не прибавили им здоровья. Не оставляют в покое их болезни и хвори. Тяжело им достаются человеческое безразличие и неуважение к ним. От всего этого все чаще и чаще хмурятся их брови, все реже разглаживаются их морщинки. Но глаза, эти зеркала души, все равно остаются добрыми. С глубоким пониманием они по-прежнему смотрят на нас, никогда не знавших и, я надеюсь, не узнающих все то, что узнали они. В их глазах все еще можно застать ужасы военного времени. И часто с этих глаз падают слезы, когда в памяти ветерана проносятся события тех черных дней, когда они собираются вместе со своими сверстниками и друзьями, вспоминают прошедшее, хорошее и плохое, доброе и злое. Вспоминают тех, кто был рядом с ними и кого теперь нет и уже не будет. Их стан чаще немного согнут. Это как будто непосильно тяжелая ноша тех времен, которая пригибает их к земле все ниже и ниже, но никогда не смогла и не сможет сломать этих людей.

Натруженные руки, с выступающими на них венами, огрубели от тяжелого труда, кожа потрескалась от суровых морозов, потемнела от палящего солнца. Они и сейчас не могут оставаться без дела. Эти руки держали не только оружие, принесшее победу в битве, но и строили различные оборонительные укрепления, создавали различную боевую технику, растили хлеб для фронтовиков, шили для них одежду. Особая заслуга и спасибо рукам врачей: медсестер и хирургов, санитаров и фельдшеров, спасших жизни тысячам людей. Наравне с мужчинами все тяготы войны лежали и на хрупких женских плечах. В качестве примера я могу привести фронтовых медсестер, которые выносили раненых с поля боя, женщин снайперов, уничтожавших врагов наравне с мужчинами, женщин летчиц, которые смотрят на нас с

пожелтевших старых фотографий тех времен, которые еще продолжают жить в бабушкиных альбомах. На этих фотографиях время не смогло оставить свой след. На них они по-прежнему молодые и красивые.

Та война никого не обошла стороной. В ней принимали участие все от мала до велика. Борьба стала всенародной и всевозрастной.

Я могла бы и далее продолжать рассказывать о героических и простых людях времен Великой Отечественной войны, но все же хочу вернуться к ветеранам, которые живут сейчас рядом с нами.

Как я уже сказала, ветеранов осталось совсем немного, и мне бы хотелось, чтобы мы именно сейчас стали принимать больше участия в их жизни. Да, мы все еще мало обращаем внимания на этих простых людей. А ведь именно внимания, по-моему, и не хватает таким людям. Им всегда приятно, когда с ними кто-нибудь беседует в простой обстановке, за чашечкой горячего чая, о жизни. Они могут рассказать много интересного из своей биографии, жизни военного времени.

В такие минуты посмотрите им в глаза. Посмотрите. В них вы сейчас не увидите дряхлого, замученного временем пенсионера-ветерана, нет. Вы увидите молодого парня или девушку, которые смотрят на вас лукавыми, смеющимися глазами, улыбаются доброй и нежной улыбкой. И именно в этот момент вам покажется, что вся трудная жизнь даже не коснулась этого человека. Сейчас он счастлив, счастлив действительно. Посмотрите, как мало нужно этим людям для счастья. Им не хватает лишь простого человеческого внимания и участия, простой доброты и душевного тепла. Я прошу вас всех не забывать таких людей и по возможности стараться помогать им хоть немного, хоть в самом малом, но помогать.

В своем эссе я попыталась показать всех участников Великой Отечественной войны в одном лице ветерана. Но ведь именно такие лица я вижу на улицах города. И давайте мы все же на время забудем о своих проблемах и вспомним о людях, которые живут рядом с нами и нуждаются в нас. . .

Рыбакова Виктория,
студентка 3-го курса института прикладных искусств

«А ведь я тогда впервые увидела смерть»

Моя бабушка встретила войну в 10-летнем возрасте. Она, мама, 3 сестры и 3 брата были эвакуированы в соседний район, но они

очень долго ждали пока их вывезут из оккупированной территории. Трудности начались уже тогда, когда в первые дни войны забрали ее отца на фронт, а также, практически, все мужское население. Остались только старики, женщины и дети. Приходилось много работать, чтобы прокормить семью. Не было ни еды, ни одежды, ни жилья... Шили даже маленькие дети, чтобы хоть как-то облегчить труд матери. Моя бабушка помогала стирать вещи, которые привозили из медсанбата.

Для моей бабушки война не прошла бесследно так же, как и для многих людей, столкнувшихся с этой бедой.

Они с сестрой возвращались из школы, и вдруг раздался глухой ужасный звук чего-то приближающегося в небе. «Анечка, а что это такое летит — птичка?» — с улыбкой на губах вспоминает бабушка о том, что задала такой глупый вопрос, но знала бы, какое горе эта «птичка» принесет, его бы не последовало. В бабушкиных глазах печаль... «А ведь тогда я впервые увидела смерть... — она долго не может начать рассказывать дальше, ведь такое забыть нельзя, это с тобой навсегда — Мы забежали домой, и не успели еще зайти внутрь как раздался прямо с домом взрыв..., осколком сразу же убило сестру. Я стояла сзади нее, это меня и спасло. А ведь сестра меня спасла! Ведь получается, она закрыла меня своим телом, пусть даже неосознанно. Я счастлива, что выжила тогда». Этот маленький героический поступок говорит о том, что благодаря помощи, взаимовыручке, дружбе, пусть даже жертвуя собой, мы выиграли эту войну. Противнику не удалось сломить дух русского народа. Об этом говорит еще один поступок другой бабушкиной сестры. Она прямо в начало войны полетела со своими работами на выставку в Москву. Но их самолет сбили вражеские бомбардировщики. Несмотря на угрозу, она полетела, чтобы доказать всем, что жизнь продолжается, и мы должны не забывать, что прежде всего это дух народа, который любит свои традиции, чтит память о предках и не даст врагу гулять по своей территории.

Я призываю молодежь не забывать о героизме, который проявил наш народ в те дни, и помнить о том, что они сражались не только за Родину, но и за родных, и за будущие поколения, которые также будут достойно защищать страну, пусть даже в более мирное время.

Сидорова Любовь,
студентка 1-го курса факультета естественных и гуманитарных наук

История об испытании войной, рассказанная очевидцем И. Д. Еремичевым

Память... За далью лет она становится более нужной всем нам и тем, кто будет после нас. Невозможно жизнь повернуть вспять и изменить прошлое... Память о погибших и о тех, кто еще жив, — долг каждого живущего.

История об испытании войной, рассказанная очевидцем, ветераном войны и просто хорошим человеком, стоит десятка томов воспоминаний иных маршалов.

Когда мы шли в гости к Еремичеву Ивану Дмитриевичу, то ожидали увидеть 80-летнего старика, а, к нашему большому изумлению, познакомились с веселым и жизнерадостным пожилым человеком. Он начал свой рассказ с улыбкой: «Родился я в Вологодской области, Бабаевском районе, в деревне Савинской 1 августа 1924 года. По гороскопу я Лев, тогда львы нужны были, да в принципе, как и сейчас.

Деревня моя находилась в 90 км от железной дороги. В 1932 г. пошел в школу, в первый класс (ходить-то надо было 3 км каждый день), отучился 4 года в начальной школе. Потом пошел в так называемую школу колхозников, там отучился 5–7 класс. А дальше надо было среднее образование получать, пришлось ходить раз в неделю в школу за 30 км. В 1940 г. забрали наших учителей в армию и нам пришлось учить детей с 1-го по 4-е классы. Спасибо большое маме, которая помогала мне... Полгода отучил и пошел работать начальником отделения почтовой связи.

И вот началась война... Летом 1941 г. отправили на оборонные работы, на которых находился 3 месяца. Хотелось воевать. С ребятами из деревни решили идти добровольцами (так как были еще несовершеннолетними). Всем хотелось во флот, но мало кто туда попал, взяли только некоторых из наших.

А я не подошел. Призвали нас в июле месяце в общевойсковые войска; обучаться военному делу отправили в Архангельскую область, на остров Ягры. Готовили здесь молодые кадры — «свежеиспеченных» лейтенантов. Там впервые познакомились с настоящим оружием. Прошло почти 3 месяца. Лейтенантов из нас не получилось, и нас отправили на фронт, так как там не хватало людей. Правда, сначала

направили в Новгородскую область, на станцию Акуловка, в 5-й запасной артиллерийский полк. Далес направили на Волховский фронт, под Синявинские болота, в деревню Воловщина, во 2-ю артиллерийскую дивизию — резерв Главного командования. Мы попали на Любанско-Синявинскую операцию по прорыву блокады Ленинграда (о ней мало пишут, потому что она провалилась). Началась боевая жизнь... У немцев была сильная разведка, они сразу узнали о пополнении и нанесли удар с воздуха. Вот так получил первое боевое крещение. Многих не досчитались.

Дальше нас стали распределять: я попал в связисты, точнее, в телефонисты. У нас в дивизии было много поговорок, вот, например: «артиллерия — Бог войны» или «штаб без связи — отрубленная голова». А наш командир любил повторять, что устойчивая связь — залог победы. Чувствуя на себе большую ответственность, начинаешь тщательнее заниматься. Всю осень мы обучались навыкам работы телефонистов в боевых условиях. И вот наступил декабрь 1942 г. Как позже стало известно, готовилась секретная операция «Искра» по прорыву блокады Ленинграда. Во время подготовки сюда приезжал сам Г. К. Жуков и др.

И вот 12 января 1943 года был нанесен сокрушительный удар по противнику всеми видами боевого оружия. Кроме того, нам помогала Балтийская флотилия. Враг был застигнут врасплох, он не ожидал таких стремительных действий со стороны советских войск. За 8 дней боев Волховский фронт прошел 13 км, чтобы соединиться с Ленинградским фронтом. Потребовался небольшой период, чтобы сломить врагов. Теперь появилась возможность для доставки хлеба и эвакуации жителей голодного города. И вот блокада прорвана! Ликование было великое и среди жителей, и среди бойцов!

Прошел год до полного снятия блокады Ленинграда, Гитлер снимал силы с юга и бросал сюда. Он считал Ленинград городом коммунистов, поэтому хотел его сжечь, стереть с лица земли. Но мы все-таки дождались этого момента — полного снятия блокады!

С января 1943 г. наступление разворачивалось в Новгородско-Псковском направлении. Под городом Остров я получил контузию, провел 1,5 месяца в санбате. В это время шли большие и тяжелые бои за этот город. Удивительно, но городишко-то районного порядка, а взять его было сложно. Но для русского человека невозможного нет. Далее — к Новгороду, Таллину, Риге, затем — Литва. Прошли и это...

Потом попал в 1-й Прибалтийский фронт. Далее был 2-й Белорусский фронт. В 1944 г. — Висло-Одерская операция в Польше.

После этого 1-й Белорусский фронт, которым командовал сам Г. К. Жуков. Развернулось наступление на Берлинском направлении. А уже в апреле 1945 г. мы дождались своего — вышли на подступы к Берлину. 8 мая 1945 года Берлин капитулировал. 9 мая все наши войска ликовали, началась победная стрельба, стреляли все — кто холостыми, кто боевыми! Июнь — июль наша часть провела в Германии. Вот так закончилась эта тяжелая война...

Началась мирная жизнь. Закончил финансово-экономический техникум, Высшую партийную школу. Проработал 2 года в Приморско-Выборгском районе председателем горсовета. В 1955—1958 гг. работал в Приозерске, строили молочный завод. Обидно, что завод сейчас не работает, стоит. Труд впустую... В 1956 г. пригласили на партийно-советскую работу, на которой в разных должностях проработал почти 30 лет. Вышел на пенсию в 1985 г.».

Вот такой интересный рассказ мы услышали из уст человека, знающего о войне не понаслышке.

Наши солдаты — это совесть своего народа. Мы преклоняемся, и будем преклоняться до конца своих дней перед Русскими Солдатами. Память наша жива и будет жить еще очень долго...

Марадулина Виктория,

студентка 1-го курса факультета естественных и гуманитарных наук

Герои среди нас

Великая Отечественная война — одна из величайших трагедий XX века. Она многим поломала жизнь, оставила кровавый след в судьбах людей, лишила семьи любимых, кормильцев, отцов, детей. В наше время в среде молодежи все больше просыпается интерес к событиям тех лет. Они хотят знать всю правду о героизме, подвигах, предательстве в те годы, о том, как же люди пережили это страшное время.

Поэтому единственно объективной оценкой Великой Отечественной войны, на мой взгляд, могут быть лишь воспоминания ее современников.

Мы с интересом слушаем истории об отважных пехотинцах, летчиках, танкистах, настоящих героях, рискующих жизнью во имя Родины. Но не стоит забывать, что эти храбрецы — обыкновенные люди, и вполне возможно, что этажом ниже в вашем доме живет один из тех самых великих, стойких защитников нашего Отечества.

В пример я хочу привести краткую биографию жизни семьи моей бывшей одноклассницы, Ягодиной Людмилы:

«Великая Отечественная война вошла в дома почти всех русских людей и не обошла нашу семью. Моих дедушек и бабушек, которые воевали, уже нет в живых, поэтому об их участии в войне мне рассказали родители.

Дедушка моей мамы — Иван Васильевич Кошкин — родился в 1889 г. К началу войны он жил в Марийской АССР с женой и пятью детьми, старшему сыну было 22 года, а младшей дочке — моей бабушке Анфисе — было 4 года. Мой прадедушка был мобилизован в ноябре 1941 г. В мае 1942 г. его жене пришло извещение о том, что он пропал без вести.

Дедушка моего папы — Гяч Юзеф Владиславович — родился в 1899 г. За свою жизнь он участвовал в пяти войнах: в Первой мировой, Гражданской, Финской, Великой Отечественной и Японской войнах. Великая Отечественная война застала дедушку под Ленинградом в Детском Селе (г. Пушкин). Всей семьей они эвакуировались в город Омск. Они ехали на товарных поездах 17 дней. Уже в Омске дедушка был призван в действующую армию в августе 1941 г. В 1943 г. он был направлен во вторую дивизию Войска польского, которая входила в состав Белорусского фронта. После того, как Польша капитулировала перед фашистами, часть Войска польского не сдалась и перешла на территорию России. Эти части были подкреплены гражданами польской национальности, жившими на территории СССР, к ним относился мой прадед. Об участии Войска польского в Великой Отечественной войне снят фильм «Четыре танкиста и собака», который дед очень любил. Мой прадед награжден крестом «За отвагу на поле брани». Он дошел до Берлина и расписался на стене Рейхстага. При освобождении Варшавы дед был тяжело ранен. Осколок снаряда остался в его теле на всю жизнь.

Когда дедушка ушел на войну, бабушка осталась одна с тремя детьми. Впоследствии она тоже была призвана в армию как медработник. Почти полгода трое детей (9-ти, 5-ти и 1 года) жили с соседями, пока бабушку не демобилизовали.

Когда закончилась война, была возможность вернуться на родину в Ленинград, но когда уходил последний поезд, младшая дочь — моя бабушка Алла — была серьезно больна скарлатиной. Поэтому они не уехали и до сих пор живут в Омске».

Безусловно, Великая Отечественная война стала одним из самых значимых моментов в истории России XX века. Ведь страна потеряла

миллионы своих сынов. Но никто не погиб зря: ни те, кто сражался на фронте ни те, кого фашисты сгноили в своих концлагерях ни те, кто трудился в тылу, был в эвакуации.

Россия в очередной раз показала всему миру, что нет ничего сильнее желания защитить свою землю от иноземных захватчиков. Может быть, теперь внешние агрессоры, пусть даже скрытые, задумаются, а стоит ли нападать? Стоит ли трогать тот народ, для которого нет ничего дороже свободы? Может быть... Хотя кто знает, что готовит нам век грядущий, но все-таки стоит надеяться на то, что он будет более мирным и спокойным, чем XX век.

Иванова Дарья,
студентка 2-го курса факультета естественных и гуманитарных наук

*Вы, жившие, знаете, что с этой земли
Мы уйти не хотели и не ушли,
Мы насмерть стояли у Черной Невы,
Здесь мы погибли, чтоб жили вы.*

О. Берггольц

Девушка с Петроградской стороны

«Колючий январский ветер шевельнул прядь ее светло-русых волос, завихрил струйку снега. Несколько снежинок упали на ее шинель, бледное лицо. Упали и не растаяли. Солдаты принесли ее на маленький пригорок, где стояла случайно не тронутая смерчем березка. Возле этой одинокой березки и предали ее земле. Потом на дерево возле могилы приколотили фанерку, на которой было написано: "Здесь похоронена комсомолка Мария Романова, девушка с Петроградской стороны, отдавшая свою жизнь за наш родной Ленинград"».

Этими словами Федор Езерский начинает свой документальный рассказ о девушке с Петроградской стороны — Марии Романовой. Она пошла на фронт в восемнадцать лет. За свою короткую жизнь она успела совершить немало подвигов, в полку нередко говорили о ее храбрости.

Когда Маша только пришла в военкомат, ей было восемнадцать лет, она положила заявление на стол военкома, он прочел и отказался посылать ее на войну: «Заберите его, Вы еще слишком молоды». Но Романова была настойчива, доказывала, что не боится трудностей:

«Я сильная. Могу раненых с поля боя выносить, помощь им оказывать».

Боенком ответил: «Хорошо, однако на фронт я пока Вас не пошлю», — и отправил ее на курсы медсестер, которые она посещала в свободное от работы время. А весной 1942 года ее назначили в стрелковый полк. Маша сообщала матери:

«Привет с фронта! Устроились мы очень хорошо. Нас четыре девушки. Живем в землянке. Я одна попала в полковую аптеку. Кормят хорошо: первая категория, хлеба 800 граммов... Мама я тебя часто вижу во сне. Все ли у вас спокойно дома? Муся».

Первое боевое крещение санинструктор Романова приняла 19 августа 1942 года. Моряки-балтийцы получили задание — обеспечить переправу стрелковых подразделений на правый берег Тосны, впадающей в Неву. Маша переправилась с бойцами 1-й стрелковой роты.

Катер, на котором она находилась, шел под ураганным огнем немцев, но благополучно пересек Неву. Как только он коснулся килем дна, Маша прыгнула на речной песок и побежала вперед помогать раненым бойцам. Распластавшись на земле, Маша поползла вперед под сумасшедшим огнем немецких автоматчиков. Странно, но она не испытывала страха, на ее глазах падали люди. Падали те, кого она хорошо знала. В этом первом в ее жизни бою Маша спасла 36 раненых, за что была удостоена первой боевой награды — медали «За отвагу».

«В следующем бою буду еще больше стараться», — говорила она. И действительно, сколько раз еще она героически спасала жизни людей, помогала солдатам. Муся была не только отличной медичкой, но и храбрым бойцом.

В ходе боев Мария Романова получила 2 ранения, но она не унывала и говорила о них, как о фронтовом недоразумении.

В дни боев на Невском плацдарме она вынесла с поля боя 46 раненых. В донесении ее начальника отмечалось: «Санинструктор Романова в период боев действовала исключительно смело, десятки раз проявив отвагу и мужество». За мужество, проявленное на Невском плацдарме, Мария была награждена орденом Красной Звезды.

Метр за метром двигались бойцы, и шла вместе с ними санинструктор Романова...

Однажды, когда шел ожесточенный бой, Маша, как и всегда, выбежала из окопа и отправилась помогать бойцам. Она бросилась к солдату Плотникову. Он опирался на плечо Романовой, и к землянке они двинулись ползком. Когда боец потерял сознание, Маше

пришлось тащить его, подгребая под себя снег. Маша ползла к землянке, она уже была рядом. Она выбросила руки вперед, приподнялась, и в это мгновение фашистская пуля ударила ей в бок. Удар был смертелен. Маша безжизненно уткнулась лицом в снег. Случилось это 16 января 1943 года.

Эта история написана мной по мотиву рассказа Ф. Езерского о девушке с Петроградской стороны. Муся Романова — моя бабушка, она пошла на фронт в 18 лет и всего неделю не дожидаясь своего 19 летия. У Муси был младший брат Женя — мой родной дедушка. После ее смерти он в 16 лет тоже пошел на фронт, мстить за свою сестру, но получил серьезное ранение и вернулся. Я помню его. Когда он умер, я была совсем маленькая. Еще я помню, что он никогда не говорил о войне. В нашей семье никто не любил вспоминать войну. Война — это страшно! 60 лет назад она вошла в наши дома, и наши бабушки и дедушки, бывшие тогда 16-летними юношами и девушками встали на защиту Родины. Они сражались за нее для того, чтобы потом здесь жили мы. Разве можно такое забыть? Нет. Мы помним этих отважных людей, и будем хранить то, что они сохранили для нас.

Скиба Елена,

студентка 1-го курса факультета информационных технологий
и машиноведения

Советский солдат не был оккупантом

Война, в которой весной 1945 года Советский Союз одержал победу над гитлеровской Германией, недаром называется Великой Отечественной.

Это было страшным испытанием для советского народа. Несмотря на свою многонациональность, СССР не распался от первых сокрушительных ударов Германии, но еще более сплотился. В то, что немецкие войска пришли избавить советские республики от большевизма, мало кто поверил. Известно, что Гитлер, отправляя свои войска в поход на восток, ставил перед собой задачу завоевания жизненного пространства для Германии и уничтожения так называемых «славянских орд», заселяющих эти территории.

Фактически, нацисты не оставили нам выбора. Все понимали, что в этой схватке мы должны победить или исчезнуть с лица земли как народ, государство.

Гораздо позже, как государство, мы все равно развалились, и такое понятие, как советский народ, потеряло свой смысл. Но, тем не менее, говорить сейчас, что эта победа русского или белорусского, или казахского народа, было бы не правильно. В современном обществе существуют разные взгляды на советское прошлое России и других республик, в некоторых из них принято уже считать советского солдата оккупантом и устраивать марши ветеранов эсэсовских дивизий.

Я категорически отрицательно отношусь к таким вещам. Видимо, у этих людей короткая память. Очень обидно за те сотни тысяч павших бойцов Красной Армии, которые погибли, освобождая Прибалтику и другие республики от немецкой оккупации. Говорить о том, что германские войска могли дать свободу какой-нибудь Латвии или Украине, было бы глупо и нелепо.

Для красноармейцев, идущих в атаку под шквальным огнем, было не важно, кто рядом с тобой: русский, грузин или еврей. Важно то, что эти люди были готовы погибнуть за Родину в борьбе с фашистскими захватчиками. А Родина, как известно, была на всех одна — Советский Союз.

Советский народ понес ужасные потери, его вклад в победу над фашизмом трудно переоценить. Европа не смогла устоять перед натиском немецких дивизий; и неизвестно, чем бы все закончилось, если бы немцы не ввязались в войну с СССР. Сейчас в печати обсуждается много версий и политических сценариев, по которым действовали руководства государств той поры. Вполне может быть, что Сталин сам собирался напасть на Гитлера, и что советское военное руководство допустило массу грубых ошибок в начале войны и т. д. и т. п.

Но все эти ошибки исправлялись кровью простых советских солдат. Их героизм и стойкость были признаны даже немецкими генералами. В тылу у станков трудились женщины и подростки, на захваченных территориях партизаны вели беспощадную борьбу с оккупантами. Трудно найти в истории подобные примеры сплоченности и самоотдачи.

И мы ни в коем случае не должны забывать эти страшные и героические годы в истории нашей страны. Каким бы разобщенным не было наше общество, мы должны помнить, что вместе мы победили врага, что наши деды и прадеды ценой невероятных жертв выстояли и избавили мир от коричневой чумы.

Память об этой великой победе должна передаваться из поколения в поколение на протяжении многих веков, напоминая о величии и силе нашего народа.

Из лущильщиков в солдаты

В числе первых в мае 1940 года Валерий Алексеевич Соличев приехал из г. Луги на комбинат, с пуском которого стал работать лущильщиком. А когда пришла на нашу землю война, он вместе со своими товарищами монтировал и грузил оборудование, а затем с одним из эшелонов выехал в город Тавду Свердловской области, куда было эвакуировано предприятие.

Фронту, оборонной промышленности очень нужна была фанера, и Валерий Алексеевич, как сотни других рабочих комбината, не считаясь со временем и трудностями, монтировал и налаживал оборудование на новом месте. Работали не покладая рук. Чем ближе была опасность погибнуть, тем больше возвышался дух рабочих, открывалось «второе дыхание». Какой патриотизм, уверенность в победе (хотя до нее еще было так далеко), взаимовыручка, желание помочь армии. И этот по истине героический труд позволил уже в августе 1941 года выдать первую партию фанеры для фронта. В 1941 году Валерий Алексеевич Соличев сменил рабочую спецовку на солдатскую шинель. Начались фронтовые дороги. Трудным был этот путь, но прошел солдат Соличев от стен Сталинграда до самого Берлина, и на стенах Рейхстага были написаны его слова, о великой Победе...

Когда отгремели залпы великой Победы, демобилизованный фронтовик вернулся и стал жить в Ленинграде. В первые годы войны мало кого награждали орденами и медалями. Но даже те воины, которых не нашли награды, были героями, потому что прожить страшные годы войны — это уже героизм. Это были честные, преданные Родине люди, они верили, любили, защищали свою землю, не думая о наградах.

Но война не прошла бесследно, и в июне 1948 года вследствие многочисленных ранений Валерий Алексеевич Соличев скончался. Но память о нем навсегда останется в сердцах друзей и родственников. Эту историю мне рассказала моя бабушка, его дочь, пережившая войну в юности.

Помнить тех, кто совершил подвиг во имя Родины

Великая Отечественная война — это огромная рана в наших сердцах и душах. Началась эта страшная трагедия 22 июня 1941 года, а закончилась только через 4 года, через 4 очень тяжелых года — 9 мая 1945 года.

Это была самая величайшая война за всю историю человечества. Огромное количество людей погибло здесь. Ужасно подумать, что в этой трагедии принимали участие дети тринадцати-четырнадцати лет. Люди отдавали свои жизни за судьбу своей Родины, за своих товарищей, за свою семью. Многим городам, которые выстояли весь напор гитлеровской армии, присвоили звание героев.

Очень много вытерпел российский народ за эти четыре года: героический подвиг Ленинграда — 900 дней держались люди в окруженном городе и не отдали его! Люди выдерживали мороз, холод, голод, вражеские бомбардировки, не спали, мало ели и ночевали на улице. Сталинград...! другие города! Перед этими подвигами мы обязаны преклониться.

Со дня победы прошло уже 62 года, задумайтесь — какой ценой досталась нам эта победа! Россия в это время отдавала все, чтобы победить. Люди считали святым отдать жизнь для победы. Сколько миллионов людей погибло в эту войну. Матерям и женам некогда было оплакивать своих родных, воевавших в окопах, они сами брали в руки оружие и шли на врага.

Россию считали страной-освободительницей. Она не только изгнала фашистскую армию из своих пределов, а освободила другие страны, находящиеся под гнетом фашизма.

Немногие дошли до Берлина, но слава погибших, их имена живут в наших сердцах.

В Великую Отечественную войну люди показали, на что способен российский народ — он силен духом, и никто его не сломит, и какая великая и могущественная наша страна. И теперь, в наше время, я ненавижу тех людей, которые насмеются над событиями минувших дней. Я считаю, что наше поколение никогда не смогло бы повторить подвиг наших предков.

Хотя если подумать, ведь не так давно это было, и страшно то, что многие уже забывают это. А жаль...

Мы должны помнить тех, кто совершил этот подвиг во имя нашей Родины, ведь в каждой семье есть человек, который прошел через войну.

Тарасова Наталья,
студентка 3-го курса института прикладных искусств

Воспоминания моего дедушки о войне

Когда началась война, моему дедушке, Ефимову Николаю Константиновичу, было всего 6 лет. Но его воспоминания о войне остались очень четкими и волнительными...

С самого раннего детства дедушка рассказывал мне о том, как он жил, а точнее, выживал в войну. По началу мне было просто интересно слушать его рассказы, а только потом я поняла, сколько сил ему стоило, чтобы все это рассказать мне едва сдерживая слезы.

Жили они тогда в Стрельне он, его мама и братья. И когда пришли немцы, они оказались на оккупированной территории. Самого младшего брата удалось эвакуировать, а мой дедушка, его мама и брат остались.

Из дома их выгнали, и им пришлось жить в сарае. Дедушка вспоминал, что они с братом везде лазали. Конечно же мальчишеское любопытство было сильнее всякого страха перед войной! А немцы их гоняли и не причиняли им вреда, понимая, что они всего лишь дети. А бывало даже, что и подкармливали.

Когда была предпринята высадка десанта на южный берег Финского залива, дедушка вспоминал, что они несколько дней прятались в погребе.

Когда высадка десанта окончилась провалом, и все стихло, оказалось, что везде лежали трупы солдат. Это жуткое зрелище сильно поразило моего дедушку и навсегда осталось в памяти.

Конечно же после высадки нашего десанта немцы начали свирепствовать.

Но не все немцы были такими жестокими...

Наверно, это чистая случайность или божья воля, но моему дедушке и его семье удалось пройти войну. По словам дедушки, им повезло потому, что его мама была очень красивая статная голубоглазая

брюнетка. Немцы жалели такую красивую женщину с двумя ребяташками и старались хоть как-то помочь.

В доме, который отняли у семьи дедушки, жил какой-то офицер, но, видимо, не очень большого чина. Но он иногда подкармливал маленьких братьев, а однажды даже спас им жизнь. Этот офицер предупредил дедушкину семью, что за ними скоро придут, чтобы угнать в Германию, что означало бы для них мучительную смерть. Но им удалось бежать. В этой спешке они не успели взять с собой ничего. Убегали как могли, понимая, что счет идет не на часы, а на минуты. Но их успели поймать и посадить в эшелон в товарные вагоны. Мне даже сложно представить, что в этот момент почувствовал мой дедушка! Думаю, не найдется даже таких слов, чтобы описать все это.

Но, к счастью для дедушки, что-то не сложилось у немцев, и эшелон остановили влесеу, открыв все вагоны и выпустив изможденных пленных.

Затем мой дедушка с мамой и братом оказались у партизан. А потом их перебросили в глухую деревню где-то в Псковской области.

Даже в последние годы жизни дедушка все шутил, говоря, что соберется в ту деревню и будет там жить.

Теренььева Марина,
студентка 4-го курса института прикладных искусств

*«Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей»*

Воспоминания о войне салехардских ветеранов

Всем известные строки из стихотворения знаменитого дагестанского поэта Расула Гамзатова. Когда я впервые услышала песню на эти слова в исполнении Марка Бернеса, в душе появилось чувство щемящей утраты, как будто это о твоих родных и близких идет речь. Наверняка нет ни одной семьи в нашей стране, которой бы не коснулась война.

Ночь с 21 на 22 июня 1941 года. В далёком северном городке Салехарде в самом разгаре свадьба — соединяются судьбы Зинаиды Мамеевой и Михаила Скурыхина. О чем мечтают молодожены? Конечно, о будущей счастливой жизни! Но все перевернулось в одночасье. Миша, как и большинство его друзей, работал в связи, поэтому-то и узнали они о начале войны самыми первыми. Было уже не до веселья. Молодые люди сразу же отрезвели — страшное известие выветрило хмель из головы. Ребята не могли дождаться утра, чтобы идти в военкомат и проситься добровольцами на фронт. Вместе с ними рвался и Михаил, но у него, как у всех связистов, была бронь, поэтому его не взяли. Не нужно объяснять, какую роль играют средства связи во время чрезвычайных обстоятельств. Но в тылу его молодой семье, впрочем, как и всем остальным, пришлось испытать горького до слез.

В это же время в Салехардской школе № 1 в самом разгаре был выпускной бал. Духовой оркестр под управлением Бориса Манна играл без устали. Юноши и девушки готовились к вступлению во взрослую жизнь. Ведь впереди их ждет так много интересного! Кто-то собирался учиться дальше, кто-то хотел сразу же пойти работать. Они еще ничего не знают, а только строят планы, думают о том, что их ждет впереди. Но уже произошло то ужасное, что уничтожит все их надежды. Всем классом они попадут заявление о добровольном вступлении в ряды Красной Армии и отправке на фронт. Многие вскоре погибнут в горниле тяжелейшей войны, и останется только фотография, на которой они запечатлены всем классом.

Духовому оркестру в этот день почти не дали отдохнуть. Они продолжали играть и днем, но уже за городом, где проходило народное гулянье. Сообщение о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз застало всех врасплох. Тут же на празднике состоялся митинг. После него сотни людей направились в военкомат с просьбой отправить их на фронт.

«Ничего не предвещало беды, — вспоминает сторожил, почетный гражданин г. Салехарда **Маргарита Ефимовна Ермакова**. — Был обычный летний день. Стояла отличная погода. Вместе с другими ребятами я находилась на пионерской площадке, открывающейся летом при первой школе. Вдруг всех попросили встать на линейку. И с горечью на лицах наши вожатые объявили: «Ребята, началась война. Идите все по домам». А там, конечно, переполох. У нас на квартире остановились артисты, приехавшие с театром на гастроли из Николаева.

Тогда в городе не было гостиниц, поэтому их расселили по квартирам. Они были в полной растерянности — сидели и рыдали. Страшное слово «война» пугало всех. Народ, в особенности молодежь, побежал в военкомат. Все пытались записаться добровольцами — так велико было стремление защитить Родину от посягательств врага. Молодых сразу не брали, а забирали более опытных людей, а потом уж дошла очередь и до молодежи. Так мне запомнился первый день войны».

Что же представлял собой Салехард той поры? Обдорск (прежнее название Салехарда) всегда был центром обширного края, а в 1930 году он стал официальной столицей округа. В 1938 году ему присвоили статус города. Здесь были открыты педагогическое училище, зооветтехникум и другие учебные заведения. Набирал силу рыбоконсервный комбинат. Благополучно функционировали и другие предприятия: судорембаза, Салехардская пристань, лесозавод, колхоз «Красный Октябрь», артель «Труженик Севера» и т. д. Шла мирная жизнь с ее повседневными радостями и заботами.

Война нарушила мирное течение жизни.

Двадцать третьего июня на общегородской митинг на площади около Дома немца собралось свыше четырех тысяч человек. На митинге выступали представители власти и руководители предприятий города. С гневом и возмущением говорили выходящие на трибуну о разбойничьем нападении гитлеровцев на нашу страну. Они заявляли о непреклонной воле и решимости советских людей стереть с лица земли фашистских захватчиков, каждый из выступающих и присутствующих готов был немедленно идти защищать Родину с оружием в руках. В военкомат потоком шли письма, телеграммы, заявления от жителей города и округа, и в них только одна просьба — отправить на фронт.

Вот, например, что писал работник Салехардского совхоза А. И. Плеханов:

«Прошу дать мне возможность одним из первых отправиться на фронт. В 1919 году, находясь в рядах доблестной Красной Армии, громил колачковых. Сейчас мне 43 года, но я полон сил и с честью использую доверенное мне оружие. Очень прошу не отказать в просьбе».

В июле 1941 года газета «Омская правда» (в то время наш округ входил в состав Омской области) опубликовала заявление одного из охотников, поданное в Салехардский военкомат.

«Военному начальнику просьба большая. Посылай меня драться с крестогрудой зубастой собакой. Я белке в глаз попадаю, крестогрудой наглой собаке в сердце стрелять буду. Нашу землю защищать буду»

Первые проводы мобилизованных состоялись вечером 13 июля. Сначала был митинг на площади около Дома ненца. Духовой оркестр сыграл «Интернационал», и все пошли к пристани.

Как рассказывает Маргарита Ефимовна Ермакова, она помнит хорошо этот день и вспоминает: *«Конечно, была и патетика, но... ведь люди провожали самых близких людей: мужей, отцов, братьев, любимых. Не давала покоя мысль о том, что они могут не свидеться больше никогда. На берегу Полюя собралось буквально все население города. Было много горя и слез. Когда пароход «Усиевич» отходил от пристани, оставшиеся на берегу кричали, не только женщины, но даже мужчины плакали. Дети звали: «Папа, папа!». Такое не забывается никогда. Эта картина и сейчас стоит перед глазами, тяжело и больно вспоминать об этом».*

Коллектив духового оркестра также не остался в стороне — молодые люди во главе со своим руководителем ушли защищать Родину. **Борис Григорьевич Манн** приехал в Салехард в 1934 году. В его долгосрочной командировке значилось: «ЦК ВЛКСМ направляет Вас на работу в Арктику». Так называли тогда далекий северный Ямал. Молодой выпускник одного из музыкальных учебных заведений Москвы сразу же приступил к набору людей в свой оркестр. Кроме взрослых Борис привлекал в коллектив и школьников старших и даже младших классов. Не прошло и года, как мальчишки из его оркестра изменились до неузнаваемости, стали лучше учиться и всерьез увлеклись музыкой. Духовой оркестр обрел огромную популярность. С его участием проводились все торжества, увеселительные программы, танцы, постановки. Он написал музыку к спектаклю И. Ф. Ного «Ваули Ненянг», который успешно шел на сцене Дома ненца. Там же духовой оркестр давал концерты в трех отделениях. Исполнялись песни советских композиторов, некоторые из них в обработке Б. Манна, затем его сольное исполнение на кларнете произведений Моцарта, Вагнера, Брамса, Шуберта... Ездили они с концертами в поселки и на фактории, где всегда были желанными гостями. Кто знает, чего бы достигли эти ребята, но музыку им заменила канонада, — как и многие из их сверстников, они были добровольцами.

*«С песней боевою вел полки Суворов,
С песнею Кутузов шел врага крушить.
Мы любую злую вражескую свору
С песней звонкой били, бьем и будем бить...»*

Это строки одной из песен, которые сочинял за время службы в действующей армии Борис Манн, старший лейтенант, старший дирижер оркестра 368-й дивизии. В письмах землякам он писал: *«Мои песни поют бойцы нашего полка, под марши они ходят в бой и крушат врага»*.

Большинство из оркестрантов погибли в первые годы войны. В живых остались буквально единицы. Участник войны Галактион Филиппович Логинов часто вспоминал, как на его глазах был убит один из них — Иосиф Промоторов: «Вроде только что стоял, а уже нет его». Это было на Ленинградском фронте.

В Салехарде есть улица Королева Ивана Владимировича, ссыльного революционера, погибшего в мятежные трагические дни 1921 года. Его жена, Евдокия Ивановна (в девичестве Дьячкова), одна воспитывала сына Николая. Юноша рос очень активным, общительным, веселым, с большим удовольствием играл в духовом оркестре. После окончания семи классов выучился на киномеханика и пошел работать — нужно было помогать матери. Вскоре его призвали в Армию, в 1939 году служил на озере Ханка, на Дальнем Востоке, в 1941 году направлен на фронт. Первос ранение, госпиталь, а потом отправка на шесть месяцев домой, пока окончательно не заживет плечо — рука у него буквально висела. Его направили в поселок Аксарка преподавать в школе военное дело. Но в Салехард стали приходить одна за другой похоронки на его друзей из оркестра. И хотя еще он окончательно не поправился, Николай стал ходить в военкомат и настойчиво просить: «Отправьте меня на фронт». В конце концов он добился своего и снова ушел на фронт, чтобы уже больше не вернуться. **Николай Иванович Королев** погиб в звании лейтенанта в 1944 году.

В конце ноября 1941 года в город пришла первая похоронка в дом **Дмитрия Дмитриевича Булыгина**. Он родился в 1909 году, работал учителем Салехардской начальной школы, инспектором школ при окроно. В 1940 году его назначили директором Салехардской школы ФЗУ. В июле 1941 года ушел добровольцем в Красную Армию. Погиб 22 ноября 1941 года на Украине.

Весть о похоронке быстро распространилась по всему городу. Жители потянулись на улицу Мирюгина, где жили Булыгины. Все переживали, многие плакали. Но у каждого на уме было: а кто же следующий?

Нелегкую ношу — сообщение о смерти пришлось вынести почтальонам. Такая доля выпала **Галине Ефимовне Дьячковой**. Почти

каждый раз, когда она приходила с работы, в глазах стояли слезы. Город маленький, все друг друга знают, много родственников, а ей приходилось приносить и вручать скорбные послания. Тяжело было еще и потому, что она сама с нетерпением ждала вестей от мужа. Когда *Николай Павлович Озорин*, супруг Галины уходил на фронт, она провожала его с маленьким сыном на руках, а вскоре должен был появиться второй ребенок. Последнее письмо от мужа Галина получила где-то в октябре. Он писал: «Дорогая Галиночка! Пишу письмо. Скоро пойдем в бой. Береги мальчишек, я люблю вас всех». Больше она не получала от него известий. Похоронку ей вручил военкомат.

Но бывали и счастливые исключения, когда похоронки оказывались ошибочными.

С первым парходом в навигацию 1943 года Александра Кузьмовна проводила на фронт сына Николая. Она уже получила похоронку на старшего — Петра. Как и всех новобранцев, родные провожали Николая с плачем и причитаниями. Тоскливо стало в доме Дерябиных. Александра Кузьмовна сразу постарела на несколько лет... Однажды, глубокой ночью раздался неистовый стук в дверь.

«Открывайте, Петька приехал!» — во весь голос кричал Григорий Дробинин, который вернулся с фронта одним из самых первых, получив тяжелое ранение в сентябре 1942 года на Моздокском направлении Северо-Кавказского фронта. После госпиталя его демобилизовали. Григорий не пропускал ни одного пассажирского парохода, прибывавшего в Салехард, надеясь встретить кого-либо из земляков. Вот он то и увидел однополчанина, которого уже оплакала семья. Вернулся *Петр Дерябин* инвалидом после второго ранения, полученного в феврале 1943 года в боях на Малой Земле, сражаясь в составе отдельного парашютного полка города Новороссийска. Ошибка с извещением была совершена еще в сентябре 1942 года в 6-й гвардейской бригаде Северо-Кавказского фронта, действующей в боях на Моздокском направлении, когда Петр получил ранение и контузию во время наступательных боев.

Велика была радость родных, а у многих салехардцев появилась надежда на возвращение своих близких. Но, к сожалению, такие ошибки случались редко.

Ясинский Владимир,
студент 3-го курса факультета информационных технологий
и машиноведения

Такова история моей семьи и страны

Использованы материалы
музейно-выставочного комплекса
им. Шемановского и воспоминания
знакомых и родственников.

Я родился в пос. Победа Ленинградской области. Поселок наш назван в честь Великой Победы нашего народа над фашистским врагом.

9 мая наша страна праздновала 61-ю годовщину этой Великой Победы. В нашем поселке нет ни одного человека, который остался бы равнодушным к этому событию. И подтверждением этого является тот бесконечный поток людей разных возрастов и поколений, которые идут в этот день возложить цветы к памятнику Неизвестному Солдату, который находится в очень красивом месте, на берегу нашего озера.

Мой дедушка, Ясинский Владимир Иосифович, в июне 1941 г. окончил Могилевскую фельдшерско-акушерскую школу. Он оказался на оккупированной немецкими войсками территории. Дедушка не смирился с положением раба и в январе 1943 г. вступил в партизанский отряд, действующий в Могилевской области, где выполнял функции медицинского работника. С июня 1944 г. он находился в рядах Красной Армии в должности командира санитарного взвода, принимая активное участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками в составе 3-, 2-, 1-го Белорусских фронтов. Создание 30 мая 1942 года Центрального штаба партизанского движения во главе с П. К. Пономаренко явилось новым этапом в расширении боевых действий на оккупированной территории. Теперь многие отряды народных мстителей имели постоянную связь с «Большой землей». Крупные партизанские соединения сражались с оккупантами Белоруссии, Северной части Украины, в Брянской, Смоленской, Орловской областях. Партизаны освобождали от оккупантов населенные пункты, создавая своеобразные «партизанские республики». Особенно прославились соединения под руководством дважды Героев

Советского Союза С. А. Ковлака и А. Ф. Федорова. Под ударами Советских патриотов находились прежде всего транспортные коммуникации гитлеровцев, что значительно замедляло доставку техники и живой силы на фронт. Своими действиями партизаны отвлекли на себя 10 % соединений вермахта, внося тем самым весомый вклад в коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны.

Мой дедушка принимал участие в разгроме немецко — фашистской группировки под Кенигсбергом. Эта операция началась 30 января 1944 года и завершилась 9 апреля 1945 года войсками 111 Белорусского фронта. За участие в этой боевой операции дедушка получил орден Красной Звезды, а также он был награжден медалью «За взятие Кенигсберга». В нашем семейном архиве хранится много благодарственных листов. Это и благодарность от 29 марта 1945 года «младшему лейтенанту медицинской службы Ясинскому Владимиру Иосифовичу за ликвидацию Восточно-Прусской группировки немецких войск юго-западнее Кенигсберга». Благодарность от 2 мая 1945 года за ликвидацию немецких войск юго-восточнее Берлина, благодарность от 20 марта 1945 года За овладение Ортельсбургом. Дедушка был награжден медалью за взятие Берлина (2 мая 1945 года).

Мой дедушка дошел до Берлина и остался жив, правда под Кенигсбергом он был контужен. Как он рассказывал, ему под Кенигсбергом приходилось спасать раненых, но и самому сесть за пулемет. Бой был страшный, погибли тысячи солдат, не всем удалось вернуться домой. О многих до сих пор не знают их родные.

Моя бабушка, Ясинская Нинель Трофимовна, всю войну, до освобождения Белоруссии пробыла в немецкой оккупации. Ее родители были угнаны в Германию, она осталась со своей бабушкой. Могилевскую фельдшерско- акушерскую школу она так и не окончила. Все было разрушено. Только не разрушена надежда на встречу с любимым. Их связывали фронтовые письма. После взятия Берлина мой дедушка еще служил в Красной Армии до 1947 г. Он служил в Германии. Сохранилось очень много писем 1946—1947 гг. с германского города Инстербурга.

В 1947 г. дедушка вернулся с фронта. С бабушкой они создали прекрасную семью. У них родилось четверо детей и пятеро внуков, а также трое правнуков. Они прожили долгую и счастливую жизнь.

Такова история моей семьи и моей страны.

Воспоминания моего дедушки

Мой дедушка, Дмитриев Филипп Федорович, родился 21 января 1935 года в глухой деревушке Пибозеро на севере Карелии. Семья была многодетной, поэтому детство дедушки было тяжелым. С ранних лет ему приходилось помогать родителям по хозяйству, испытывать нужду и голод. С началом Великой Отечественной войны положение еще более ухудшилось. Мужчины ушли на фронт, а женщинам и детям пришлось возложить на свои плечи все тяготы военного времени. Каждый, как мог, помогал фронту. Ведь недаром в те времена самым распространенным был лозунг: «Все для фронта, все для Победы!» А мальчишки мечтали о фронте.

И вот в 1944 году мой дедушка примкнул к военной части, которая формировалась в городе Кемь. Для этого ему пришлось сказать, что он круглый сирота. Так дедушка стал сыном полка в 9 лет. Его зачислили в полковой оркестр, выдали военную форму, научили играть на барабане.

С этой частью мой дедушка закончил войну в Германии, не дойдя до Берлина 70 километров. За время войны дедушке приходилось бывать в разных передрягах. Во время освобождения Польши он под видом местного паренька неоднократно ходил в разведку, собирал данные о противнике. Когда закончилась война, на груди у моего дедушки красовались две боевые медали. А руководитель полкового оркестра написал марш, который назвал «Маленький Филипп». Было моему дедушке в мае 1945 года всего 10 лет.

У нас сохранилось всего две фронтовые фотографии дедушки. На одной из них он сфотографирован со своими командирами, а на другой дедушка в военной форме опирается на палочку. Во время одной из операций он был ранен в ногу. Война не щадила никого.

К великому нашему горю, дедушка ушел из жизни в 1995 году. Это был очень добрый и красивый человек. И все свое тепло он отдавал своим детям и внукам. Часто бывая на каникулах в Карелии, я всегда захожу на тихое кладбище, где покоятся мои бабушка и дедушка, чтобы поклониться их могилам. Мы помним о вас...

Бои на подступах к Витебску

Цена фактор времени, наши части продолжали наступление на Витебском направлении. Гитлеровцы любой ценой стремились задержать их продвижение. Густо минировали дороги, тропинки, переправы. На всякие хитрости и подлости шел враг. С большим напряжением трудились саперы, чтобы очистить родную землю от скрытой смерти. Но мины, особенно противопехотные, иногда оставались необнаруженными, и наши подразделения несли потери.

В конце сентября противник 2-м и 7-м егерскими батальонами 206-й пехотной дивизии пытался задержать наши части на рубеже Мостище-Титовщина-Сиротино. Но после настойчивых атак нашей 270-й дивизии немцы стали отходить в юго-западном направлении. Подтянув резервы, противник силами двух батальонов 85-й пехотной дивизии начал атаки против частей дивизии, вышедших на рубеж Дубровка-Юшково-Сидоры.

Однако наша 270-я стрелковая дивизия во взаимодействии с 114-й отдельной стрелковой бригадой отбила атаки и продолжала преследование отходящего врага.

Сосредоточив подразделения 404-го пехотного полка 246-й пехотной дивизии, а также подразделения «смертников», противник, создав полосу обороны по правому берегу реки Рутавет, пытался здесь остановить дальнейшее продвижение наших войск.

30 сентября 1943 г. части нашей дивизии, совершив фланговый обход, выбили гитлеровцев с занимаемых рубежей и заставили его отступить.

5 октября 1943 г., перегруппировав свои силы, наши части дивизии атаковали врага и заставили его отойти. К вечеру сосредоточились в деревне Борисовка Смоленской области и с 10 октября 1943 года, уже на территории Белоруссии продолжали вести наступательные бои на Витебском направлении. Подошли к деревне Замшино Лиозновского района Белорусской ССР. Дороги и подступы к ней оказались густо заминированными. Саперы не успевали обезвреживать скрытую в земле смерть.

Гитлеровцы из артиллерии обстреливали дорогу на Замшино. Бой продолжался до вечера. Около 22 часов, когда густая и черная, как

деготь, темень поглотила окружающую местность, вдруг наступила гнетущая тишина. И в это мгновение за дальним хвойным лесом взметнулся вверх огненный столб, и стало светло, как днем. Это горели деревни, подожженные гитлеровскими факельщиками. Враг отступал. Будто проклиная злодеяния гитлеровцев, надрывно и жалобно завывали собаки. Вдали раздавались одиночные выстрелы. Несколько женщин причитали над трупами замученных и убитых женщин и мужчин.

На бутре около горевшего бревенчатого дома на кровати, вынесенной из дома, лежал труп старой женщины. От сильного ветра ее седые волосы развевались во все стороны. На ее лице отпечаталось выражение ужаса, а застывшие стеклянные глаза смотрели в небо, где плыли седые и косматые облака, так похожие на ее волосы.

Недалеко от нее, уткнувшись лицом в опавшие листья, лежал подросток. На затылке зияла огнестрельная рана. Настигая и окружая врага, наши воины сполна расплачивались за жизнь советских людей.

В лесах Смоленщины и Белоруссии на пути продвижения нашей дивизии, попадались на определенном удалении друг от друга оборонительные сооружения — блокгаузы, рассчитанные на круговую оборону и используемые врагом в качестве опорных пунктов по борьбе с партизанами.

Большинство этих сооружений представляли из себя деревоземляные укрепления, окруженные колючей проволокой, подступы к которым минировались. Если в районе блокгауза рос кустарник, он вырубался для того, чтобы иметь хороший круговой обзор.

Немецкие гарнизоны были окружены лютой ненавистью местного населения. Драконовские меры, которые предпринимали фашисты в отношении местного населения, не приносили им ожидаемых результатов. Политика железа и крови терпела крах. Советские люди на временно оккупированной территории усиливали удары по врагу. Белорусская земля горела под ногами гитлеровских гадов. Дубина народной войны не щадила врагов. Страх стал неизменным спутником оккупантов.

В середине октября после непродолжительной, но мощной артиллерийской подготовки части нашей и соседних дивизий снова перешли в наступление с целью прорвать укрепленный рубеж противника. Казалось, что успех обеспечен и наши атакующие подразделения сумеют разгромить вражеский укрепленный рубеж и овладеть им. Но этого не произошло.

Встреченные ураганным артиллерийско-минометным и пулеметным огнем противника, наши части понесли значительные потери; солдаты залегли, а к вечеру отошли на исходные рубежи.

Никто из командиров дивизий, да и командир 92-го корпуса генерал-майор Волков такого печального результата не предполагали. Все были уверены в успехе боевой операции. Позднее выяснилось, что немецкое командование, разгадав наш замысел, до начала артподготовки отвело свои части на вторую линию обороны, и как только наша артиллерия перенесла огонь в глубину, они снова заняли первую линию обороны и плотным огнем встретили наступающих. Таким образом, наша артиллерийско-минометная подготовка должного воздействия на врага не оказала, прошла впустую. Гитлеровцы полностью сохранили свою боеспособность.

Командиры соединений, надеясь, что враг серьезного сопротивления не окажет, не произвели разведку системы его обороны, расположения огневых точек — и попались в ловушку. Такая оплошность непростительна на воинских учениях даже в мирное время, тем более в бою с сильным, коварным и опытным противником.

Гитлеровцы во время боев не раз применяли эту хитрость, ставшую своеобразным штампом. Об этой хитрости хорошо знали и в этот раз так доверчиво клюнули на эту приманку.

Прибывший на этот злополучный участок фронта командующий 43-й армии генерал-майор К. Д. Голубев обрушил свой справедливый гнев на тех, кто готовил эту операцию. Есть золотое правило: сперва проверить, а потом верь.

18 октября, перегруппировав свои части, 270-я Демидовская стрелковая дивизия перешла в наступление и в результате упорного боя сумела овладеть первой полосой обороны врага, но гитлеровцы, подтянув свежие части, заставили нас перейти к обороне. 25 октября 1943 года дивизия сдала свой участок обороны 114-й отдельной стрелковой бригаде была выведена с переднего края и зачислена в резерв 1-го Прибалтийского фронта. Так с 20.10 стал именоваться Калининский фронт. Штаб дивизии сосредоточился западнее деревни Пеньково, а через два дня переместился в лес севернее этого населенного пункта.

7 ноября 1943 года в день великого праздника Октября, выпал обильный покров пушистого снега. Он засыпал палатки, землянки. Невидимыми стали дороги. Во всех подразделениях дивизии шла подготовка к завтрашнему бою, чтобы не словами, а делами поздравить

советский народ с новыми боевыми успехами. 8 ноября стрелки сосредоточились на исходных рубежах, в районе Барсуки-Швинки, ожидая мгновения, когда последует громкая и решительная команда: «Вперед, за Родину!». Еще ночью саперы проделали несколько проходов в минных полях гитлеровцев, чтобы по ним могли пройти танки и пехотинцы. Огонь орудий и минометов был сосредоточен по переднему краю и огневым точкам противника. В гул начавшегося боя вливались свособразные звуки мощных залпов гвардейских минометных подразделений. Звуки боя с каждой минутой усиливались и разрастались. Наши самолеты-штурмовики наносили мощные удары по скоплениям противника и по его тылам. Сильные взрывы свидетельствовали о попадании авиационных бомб в склад боеприпасов врага. Затем огонь артиллерии был перенесен в глубину вражеской обороны, и стрелки, поддержанные танками, устремились на штурм укрепленной полосы гитлеровцев. Ошеломленные мощным огнем артиллерии, минометов, бомбежкой с воздуха, фрицы не выдержали напора и, бросая тяжелую технику, стали откатываться назад. Потери врага были значительными. Части нашей дивизии с боем овладели селом Котово Витебской области, где сходились несколько дорог.

В селе был оборудован командный пункт 43-й армии. Чтобы сбить темп нашего продвижения, немецкое командование направило на этот участок свою штурмовую авиацию, которая обрушила свой удар по наступающим подразделениям. Особенно ожесточенно вражеские самолеты бомбили перекресток дорог, где проходили артиллерийские части и обозы. Действующие против частей нашей дивизии немецкие подразделения укрепились на господствующих высотах и держали под огнем наш передний край, местопребывание отделов штаба дивизии и дороги, ведущие в наши тылы, по которым подвозились боеприпасы и продовольствие. Бесперывно идущие дожди и курсирующие по дорогам танки превратили их в препятствие для автомобильного и гужевого транспорта. Бездорожье сказалось на снабжении дивизии боеприпасами, продовольствием, фуражом. Лошадей перевели на подножный корм, иногда их подкармливали соломой, которой тоже не хватало.

В конце ноября 1943 года из госпиталя возвратился комдив полковник Беляев И. П. Ветераны дивизии с нетерпением ждали его возвращения. С полковником Беляевым многие офицеры дивизии прошли трудный боевой путь и привыкли к его продуманным, четким волевым действиям. Он был тверд в решениях и никогда не

перекладывал свою ответственность на других. Был справедлив и чуток в отношении своих подчиненных, заботился об их повседневных нуждах. Те отвечали ему безупречным исполнением своего долга. Вместе со своим заместителем по политчасти Мельниковым он постоянно был в частях и подразделениях дивизии, хорошо знал их быт и жизнь. С прибытием Беляева активизировалась боевая деятельность соединения, и наши части стали держать врага в состоянии напряжения. Даже погода изменилась. Надоевшие нам дожди прекратились, мороз основательно сцепментировал непролазную грязь, и дороги стали проезжими.

Для того чтобы расшифровать на участке дивизии систему обороны противника, почти каждую ночь действовали поисковые группы, состоящие из разведчиков 344-й отдельной разведроты и связистов 309-й отдельной роты связи. К сожалению, разведгруппам «языка» добыть не удалось.

Тогда была проведена разведка боем. На базе лыжного батальона капитана Макатдзебы сформировали небольшой отряд, состоящий из 80 человек. В него вошли стрелки из трех полков дивизии. Сводным отрядом командовал капитан Макатдзеба. Общее руководство боем возлагалось на командира 973-го стрелкового полка подполковника Власова, ему подчинили также оперативную группу, которую возглавил начальник штаба 973-го стрелкового полка майор Валерий Иванович Конычев. Когда сгустились сумерки, отряд скрытно, без артиллерийской подготовки, внезапно ворвался в немецкие траншеи и, пользуясь возникшим там замешательством, стал успешно продвигаться вперед. Обеспокоенный столь неожиданным ударом, противник ввел в бой свои резервы.

Из отряда Макатдзебы прибежал связист Михаил Трофимов и доложил, что отряд капитана Макатдзебы окружен противником и связи с ним нет. Майор Конычев послал Переверзева и Трофимова для восстановления прерванной связи. Противник вел непрерывный артиллерийско-минометный огонь. Все же связистам, где ползком, а где перебежками, удалось по ложине с редким кустарником выйти в направлении деревни Якушенки, где вел бой отряд капитана Макатдзебы. С большим трудом связь удалось восстановить. Капитан Макатдзеба по полковому телефону доложил майору Конычеву о создавшейся обстановке и попросил разрешения на прорыв из окружения. После некоторого раздумья Конычев такое согласие дал и предупредил Макатдзебу, что его прорыв он обеспечит артиллерийско-минометным огнем и стремительной встречной атакой, которую он

возложит на находящееся в резерве подразделение капитана Мамедова.

Первоначально эта операция шла успешно, по намеченному плану, но усиливавшийся плотный огонь прижал наступающих к земле и дальнейшее продвижение прекратилось. Создалось критическое положение. Тогда замполит этого подразделения старший лейтенант Карасев встал во весь рост и с криком: «Вперед, за Родину!» увлек за собой бойцов. Это была беспощадная, отчаянная атака. Гитлеровцы дрогнули и обратились в беспорядочное бегство. Два отряда соединились. При выходе из окружения были потери, но большинство отряда соединилось с основными силами. Дивизионные разведчики захватили «языка», а сам бой раскрыл огневые точки оборонительной полосы противника. Это позволило командованию дивизии правильно спланировать новый удар по врагу в районе Котово-Дворище.

Находясь в обороне и греясь в землянках, гитлеровцы решили развлечься и заняться агитацией. Повсеместно прекратив обстрел наших позиций, фрицы через передвижную громкоговорящую установку стали транслировать наиболее популярные советские песни, а затем какой-то голос на чистом русском языке стал призывать наших воинов переходить на сторону немцев, обещая «золотые горы и реки, полные вина». Пехотинцы по полевому телефону обратились к артиллеристам, чтобы те «отблагодарили» фрицев за концерт. Во весь свой грозный голос заговорила наша артиллерия, и укрепленная полоса врага потонула в разрывах снарядов. Вражеский агитатор умолк. Вскоре ответный огонь открыл противник. Артиллерийская дуэль была в полном разгаре. Но вскоре артиллерийский огонь стал слабеть, а затем наступила напряженная фронтовая тишина.

15.12.43 г. по приказу командующего 43-й армии 270-я Демидовская стрелковая дивизия сдала свой участок обороны частям 5-го стрелкового корпуса и была выведена с переднего края в район деревень Большухи, Сапуны, села Котово Витебской области.

В ночь на 19 декабря, т. е. в день наступления, дивизия заняла боевые рубежи на другом участке фронта. 20.12.43 г. во второй половине дня полки 270-й дивизии начали наступление, имея задачу перерезать шоссейную дорогу Сураж-Витебск. 977-й стрелковый полк под командованием подполковника Беспятова наступал в направлении села Прудок, а 975-й стрелковый полк совместно с 46-й механизированной бригадой — в направлении Болотники-Ключ. В полдень 21.12.43 г. после сильной артиллерийской подготовки части дивизии перерезали дорогу Сураж-Витебск, отбросили врага с занимаемых по-

зий и начали его преследование. От населенных пунктов остались одни наименования. Наступили жестокие морозы, а согреться было негде. Воины отдыхали под открытым небом, а согревались у костров. Постелью служил настил из еловых ветвей.

Вот она, почерневшая от боев и пожаров, густо окрашенная кровью земля героического несгибаемого белорусского народа. Как один, поднялся он с оружием в руках и не давал гитлеровским гадам ни минуты передышки. И враг мстил. Дивизия проходила десятки километров, не встретив ни одного уцелевшего населенного пункта. Пожарища, пожарища, да печные трубы, закопченные от дыма, напоминавшие кладбищенские обелиски из темного гранита, пепел да могилы — вот что осталось от когда-то утопавших в зелени фруктовых деревьев деревень, сел, поселков. Оставшиеся в живых жители скрывались в глухих, бесконечных лесах, где ютились в землянках и страдали от холода, сырости, голода.

После окончания войны стало известно, что от гитлеровского нашествия в Белоруссии пострадало 9200 городов, сел и деревень. Погиб каждый четвертый житель. Цифры страшные, незабываемые, они не могут не волновать нас и сегодня.

Продолжая дальнейшее продвижение, полки 270-й стрелковой дивизии вышли к реке Западная Двина в районе села Курино, откуда повернули на запад и 27.12.43 г. овладели Авдеевским лесом и вышли на рубеж Шабунь.

30.12.43 г. дивизия сдала свой участок обороны частям 382-й и 179-й стрелковых дивизий и вошла в резерв командующего 43-й армии. Враг создал вокруг Витебска ряд укрепленных полос, прорвать которые у нас не хватало наличных сил. Обе стороны перешли к обороне. 5 января 1944 года по приказу вышестоящего командования 270-я дивизия передала часть своих бойцов в другие соединения. Каждый командир части с болью расставался со своими подчиненными, которых хорошо знал, с которыми шел в бой и которым верил. 7 января 1944 года по приказу командующего 43-й армией 270-я дивизия, совершив марш и переправившись через Западную Двину в районе села Курино, вышла на ее правый берег и, сменив части 235-й стрелковой дивизии, заняла рубеж обороны в районе Шучино-Будисе и вошла в состав 92-го стрелкового корпуса. Штаб и тылы дивизии сосредоточились в районе населенных пунктов Ходорово-Шухвосты-Волоконька. Вокруг этих населенных пунктов простирался большой лесной массив. Низкая серая облачность, густота крон хвойных деревьев делали лес мрачным, таинственным. На опушке этого леса нахо-

дился немецкий лагерь для советских военнопленных. Он был окружен в несколько рядов колючей проволокой. Через определенные расстояния стояли вышки для часовых, с которых просматривалась территория лагеря и ближайшая местность. Внутри лагеря, на некотором удалении друг от друга стояли небольшие бараки, стены которых были сплетены из веток ивы и орешника и напоминали своим видом большие корзины. Крыши бараков были покрыты корой сосен и хвоей. Бараки насквозь продувало ветром. Печи отсутствовали. Нары в два этажа были настолько узки, что человеку почти невозможно было повернуться на другую сторону без риска свалиться вниз. На земляном полу бараков валялись остатки грязной одежды, рваная обувь, мешковина, битая глиняная посуда, бинты с запекшейся кровью. Внутренняя обстановка бараков свидетельствовала о том, что сборы были поспешными и фашисты-конвоиры свирепствовали, угоняя военнопленных от приближавшихся к этому месту войск Красной Армии. К большому сожалению, нашим войскам не удалось освободить военнопленных, и вот теперь они в лютый мороз и пургу, измученные, голодные, плохо одетые бредут по тяжелым, заснеженным дорогам, окруженные озлобленными палачами-эсэсовцами, готовыми убить каждого, кто утратит способность двигаться.

С восточной стороны к лагерю примыкало небольшое поле, покрытое сугробами, на котором возвышался открытый со всех сторон холм, хорошо просматриваемый со стороны вышек лагеря. На этом холме лежали останки местных партизан, расстрелянных карателями.

Под страхом смерти гитлеровцы запретили местным жителям хоронить казненных, и их трупы клевали птицы и терзали звери. Гитлеровцы расстреляли героев-партизан недалеко от лагеря не случайно. Немецкие часовые, охранявшие лагерь, круглосуточно наблюдали за тем, чтобы никто не сумел подползти к казненным и унести их тела для предания земле. Такая кровавая расправа преследовала и другую цель — сломить волю военнопленных к сопротивлению и превратить их в послушных рабов. Политотдел дивизии принял меры к захоронению патриотов, отдавших свои жизни за свободу и независимость нашей Родины.

4 февраля 1944 года гитлеровцы перешли в наступление, бросив против подразделений дивизии танки, самоходные пушки, автоматчиков. Грохот боя не затихал целый день. Дело доходило до рукопашных схваток. Ценой больших потерь в людях и технике враг потеснил некоторые наши подразделения.

9 февраля 1944 года части нашей 270-й дивизии контратаковали врага, заняли его траншеи и освободили от гитлеровцев деревню Шучино. К вечеру, подтянув сюда самоходные пушки «фердинанд», автоматчиков, противник вновь вернул свои ранее утраченные позиции. Потери с обеих сторон были значительными.

Наступательные операции, проводимые нашими войсками на этом участке фронта, позволили охватить г. Витебск с северо-запада и подойти к нему с востока. В ходе боевых операций, протекавших в тяжелых погодных условиях, среди лесов и болот, удалось освободить несколько восточных районов Белоруссии. Главные же позиции у Витебска и Орши по-прежнему стойко удерживались врагом.

До середины февраля 1944 г. части дивизии занимали участок обороны северо-восточнее Витебска и вели бои местного значения. 13 февраля 1944 года комдив полковник Беляев на совещании руководящего состава дивизии объявил, что по приказу Верховного Главнокомандования вверенная ему дивизия передаст свою боевую полосу 334-й стрелковой дивизии и выбывает в тыл нашей страны на формирование.

14 февраля 1944 года полки дивизии по шоссе Витебск-Смоленск двинулись к станции Заольша Витебской области. 15 февраля 1944 года прибыли на станцию Заольша и разместились в огромных шалашах, крытых еловыми ветками. Они стояли в хвойном лесу и были скрыты от воздушных разведчиков. Рано утром 17 февраля полки дивизии погрузились в эшелоны и тронулись в путь.

Больше в состав 43-й армии 270-я Демидовская стрелковая дивизия не входила, и ей не представилась возможность участвовать в июне 1944 г. в освобождении города Витебска от немецких захватчиков.

Орлов Валентин,
студент 1-го курса факультета информационных технологий
и машиноведения

Боевые дела разведчиков

Ни одна армия не может существовать и успешно вести боевые действия без хорошо налаженной разведки. Поэтому командование нашей 334-й Витебской ордена Суворова стрелковой дивизии большое внимание уделяло 407-й отдельной разведывательной роте, в составе которой мне пришлось воевать с марта 1944 г. до окончания Ве-

ликой Отечественной войны сначала рядовым разведчиком, а позднее командиром взвода.

Нелегкий труд достался разведчикам в Великую Отечественную войну, и особенно дивизионным разведчикам. В наступлении, они впереди пехоты, а в обороне — в основном ползком, утюжа своими животами нейтральную полосу, передний край и ближние тылы врага, добывая по крупницам необходимые командованию сведения и живых немцев («языков»).

Много ценных сведений о противнике добыли разведчики нашей 407-й разведывательной роты. Сотни «языков» были доставлены в штаб, а иногда разведчикам приходилось выполнять и прямые боевые задачи. Так было при форсировании реки Западная Двина под Витебском, под Шяуляем при попытке гитлеровцев прорвать нашу оборону, при овладении Ангенбурном, Аугимом и Бартенштайном.

Сотни раз, сдав нашему старшине Григорию Захарову или ротному писарю Саше Ситникову документы и награды, уходим мы со всей ответственностью на выполнение очередного задания.

Навсегда остались в памяти подвиги дивизионных разведчиков. Ведь каждый день фронтовой работы разведчика — это подвиг. Каким мужеством и преданностью долгу надо было обладать, чтобы в стужу и дождь, в любое ненастье идти рядом со смертью, выполняя свою боевую задачу.

В дело нашей Победы над фашистской Германией внесли свой скромный вклад и разведчики 407-й отдельной разведывательной роты 334-й Витебской ордена Суворова стрелковой дивизии. Невозможно описать все, что было совершено разведчиками роты, я только приведу несколько эпизодов, свидетелем и участником которых был сам.

Пусть эти короткие воспоминания будут памятью моим друзьям-разведчикам, живым и мертвым: Георгию Симонову, Игорю Богдалину, Федору Пичугину, Ивану Субботину, Роману Малинину, Шайхелу Салихову, Александру Большакову, Алексею Маткава, Николаю Алыпову, Евгению Сонкину, Александру Мачугину, Алексею Горячеву, Тимофею Сидоренко, Семену Паседкину, Василию Кремлеву, Виктору Сапунову, Ивану Тимошенко, Николаю Абрамову, Ивану Дмитриенко, Константину Бредюку, Александру Ситникову, Григорию Захарову, командиру нашему капитану Ивану Солошенко и многим другим, с кем делили мы тяготы нашего ратного труда, в котором постоянно были рядом человек с его боевой задачей и смерть.

Форсирование реки Западная Двина

Весной 1944 года наша 334-я стрелковая дивизия заняла оборону на витебском направлении 43-й армии. В это время, как сообщали сводки Совинформбюро, на нашем участке фронта шли бои местного значения. Но мы уже чувствовали приближение больших сражений. С нас, разведчиков, каждый день требовали новых сведений о противнике, и мы не давали спокойно жить немцам ни днем, ни особенно ночью. Пробираясь через минные поля, проволочные заграждения в мерцающем свете ракет, сопровождаемые роями трассирующих пуль, таскаем «языков» и документы то с передовой, то из ближних немецких тылов. А иногда, чтобы вскрыть огневую систему противника, устраиваем «сабантуй», и тогда взрывается, бушует в огне передовая.

И вот этот день наступил. 23 июня 1944 года артиллерийская канонада возвестила о начале Белорусской наступательной операции, неизвестной нам тогда, но известной всем теперь операции «Багратион». Под ее грохот мы взяли и приволокли в дивизию своего очередного «языка». Но едва успели сдать его в штаб, как вновь команда: «Вперед!» Фронт прорван. Полки нашей дивизии устремлены к реке Западная Двина.

Перед нашей разведгруппой в составе 15 человек командир роты поставил задачу попытаться с ходу, вместе с пехотой, в первый же день наступления преодолеть Западную Двину и достать «языка» с противоположного берега, занятого немцами. Вместе с бойцами 1124-го Смоленского полка в сумерках выходим к реке. Пехота приостановилась, мы уходим вдоль реки влево. Кто-то из ротных крикнул нам вслед: «Ни луны, ни ракеты вам, разведчики».

Прошли 2–3 километра: тишина, немцев нет. Впечатление, что война как бы ушла от нас в сторону. В одном месте натолкнулись на остатки какого-то строения вроде сарая, спустились к реке. На берегу кусты, ночь темная, противоположного берега не видно. Решаем здесь попробовать перемахнуть реку. Принесли бревна, доски, нашли бочку. Смастерив нечто вроде двух плотов, разбившись на группы, пустились по реке навстречу врагу. Мы благополучно в ночной темноте преодолели реку и пристали к берегу в стороне от немецкого охранения. Немцы обнаружили нас, когда мы, выбравшись из воды, начали подниматься по крутому склону берега. В короткой схватке и почти без потерь, не считая одного легко раненного, выбили охранение из окопов. Немцы пытаются атаковать, но безуспешно — их, очевидно, немного и они отошли в лес. До утра, с перестрелками, отсиделись в немецких окопах, немного обсохли.

А с рассветом начался невадальский бой, и от нас немцы отошли. Преследуя их, мы прошли лесом километров пять-семь, но немцев мы потеряли из виду: то ли им удалось оторваться от нас, то ли они просто разбежались.

В середине дня вышли из леса навстречу своим войскам. Не обошлось без курьеза: пришлось «сдаваться в плен» своим же. А произошло это так. Вышли мы из леса, смотрим — поле с высокой пшеницей. Прошли его осторожно и вдали, метров за триста-пятьсот, увидели окопы и людей в них, а понять не можем: свои или враг? Во время наступления наши солдаты набрали трофейных плащ-палаток и выходит: по винтовкам вроде наши, а по одежде — враг. Что делать? Решили проверить. Подобрались ближе, сколько было можно, чтоб оставаться незамеченными, залегли, приготовили автоматы и гранаты на всякий случай. И вот с одним бойцом выходим из-за куста, подняв руки. Нас заметили, что-то кричат, но не стреляют. Подходим ближе, видим — свои. Все кончилось благополучно, правда, сперва нам не поверили, что мы свои разведчики, так как только что на этом месте были немцы. Вскоре все выяснилось, и мы быстро соединились.

Командир наступающей здесь стрелковой роты сказал, что ему продвигаться вперед мешает батарея, ведущая огонь из-за озера на фланге, и попросил помочь. Нашелся солдат-пехотинец, который уже пытался пробраться к батарее. Берем его и еще одного бойца с собой. Кустами обогнули озеро и внезапно налетели на батарею. Короткий бой — и батарея перестала существовать, и тут же вслед за нами наша пехота пошла вперед. Мы же, разведчики, вскоре вышли на дорогу, по которой отходили от Витебска уже почти окруженные немецкие войска, и разгромили их обоз.

Так началось наше наступление в глубь Белоруссии до полного ее освобождения. За форсирования реки Западная Двина и за успешное выполнение приказов командования в боях на белорусской земле многие разведчики нашей роты были награждены орденами и медалями.

Пушка в подарок

334-я девизия в июле 1944 года занимала оборону вдоль железной дороги, между ст. Рокишки-Паневежис, за ней — проволочные заграждения и траншеи немцев. Местность открытая, редкие перелески, литовские хутора. Получен приказ на наступление. Наш разведвзвод в боевых порядках пехоты. Задача — быстро ворваться в тран-

шеи противника, взять «языка» и дальше идти впереди пехоты, не давая врагу оторваться, и сообщать обстановку.

В наших траншеях идет обычная перед атакой размеренная неторопливая суета. Солдаты проверяют портянки, крепче привязывают котелки и прячут ложки за обмотки, набивают обоймы и диски патронами, запасаются гранатами, собирают свои немудреные пожитки. Нам легче, у нас нет никаких вещей, на плече автомат, который давно проверен и заряжен, на боку нож и гранаты, запасной диск к автомату. Мы сидим и разговариваем о вещах, не имеющих отношения к предстоящему бою, вспоминаем о доме, о друзьях, а над головой все сильнее шум артиллерийской канонады. Но вот все на какой-то миг затихает, а потом залп «катюш» и зеленые ракеты.

Зеленые ракеты, они, как огни семафоров, открывали нам путь, но очень часто этот путь обогрелся яркой кровью наших солдат. Молнией выскакивают бойцы из траншей и сперва в суровом молчании, а потом с криком «Ура» несутся, презирая смерть, туда, где залег враг. Мы, разведчики, вместе с пехотой врываемся в траншеи немцев, проходят минуты — и первый, очень важный «язык» отправляется в штаб. От его показаний тоже зависит дальнейшее развитие боя, и, может быть, будут спасены сотни солдатских жизней. Мы отрываемся от пехоты, уходя вперед, прикрываясь балками и перелесками, за нашей спиной, подвигаясь, гремит бой. Сбивая и разгоня небольшие группы немцев и не ввязываясь в бой, мы уходим в ближние тылы отступающих немецких частей.

Ночь застает нас в небольшом хуторе — три-четыре дома, далеко отстоящих друг от друга. В хуторе никого нет. Выбираем дом подальше от других, на открытом месте. Недалеко от дома погреб в виде кирпичного свода, засыпанного землей. Поймали пару чудом уцелевших кур, разыскали подходящую посуду, и Гоша Симонов приготовил нам отменный бульон, первый раз в этот день с удовольствием поели, хотя до остановки голода не чувствовали. Александр Большаков отправляется с донесением, к утру он должен вернуться. Мы, осмотрев окрестности и установив дежурство, устраиваемся на ночь в погребе. Благополучно переночевав, к удивлению, обнаружили, что в соседнем доме ночевали немцы. Очевидно, это была небольшая отступающая группа, она раньше ушла из деревни, не обнаружив нас.

На рассвете вернулся Большаков и привел пехоту. Мы опять ушли вперед. Через несколько километров вышли к шоссе. У дороги дом, а в сторону отходят пустые траншеи. Залегает на чердак, осматриваемся, по шоссе в нашу сторону (в сторону передовой) скачет всадник, а

за ним подвода, на которой мирно сидят несколько немцев, они чувствуют себя в тылу и в безопасности. Быстро устраиваем засаду. Решаем всадника пропустить и напасть на телегу: так более безопасно. Рисковать нельзя. Когда подвода поравнялась с нами, бросаем под нее гранату, один немец падает в телегу. Испуганные лошади (телега была запряжена парой) шархнулись в сторону. Мы открываем стрельбу из автоматов, немцы, удаляясь, отстреливаются. Всадник, о котором мы в первый момент забыли, остановился метрах в ста от нас. Начали по нему прицельную стрельбу, и он свалился с лошади.

Александр Большаков бросился ловить лошадь. Он, бывший танкист, волею судьбы ставший разведчиком, любил лошадей и лучше нас, других, держался в седле. Забрав у убитого документы, а также документы, находившиеся в притороченных к седлу сумках, опять отправляем Большакова с донесением, а сами — вперед.

Днем в небольшом леске натываемся на немецкую батарею. Осмотр окрестностей показал, что немцы здесь подготавливают оборону и ее постепенно занимают их части. На батарее немцев не видно, только один повар возится у походной кухни: рядом землянка — очевидно, расчет находится там. План созрел быстро. Иван Субботин своим могучим кулаком оглушает повара, мы врываемся в землянку, пленим немцев. Через несколько минут, разобрав и забросив подальше замки от двух пушек (калибр 37 мм), приказали захваченным девяти немецким солдатам тащить третью пушку. А вскоре подошла наша пехота, и мы передали 1122-му стрелковому полку 334-й дивизии наш подарок — пушку и девять пленных фашистов.

Захват двух «языков»

В конце лета 1944 г. 334-я дивизия успешно наступала в Литве. Немцам ночью удалось оторваться от нашей пехоты, а нет ничего хуже, когда не знаешь, где противник и что он замышляет. Перед нашим взводом разведки была поставлена задача обнаружить противника, выяснить его намерения и взять «языка». Рано утром мы, человек 10—12, двинулись в путь по будущему маршруту движения дивизии.

Путь лежал через леса, болота. Мы прошли километров 15, однако следов пребывания противника не обнаружили. Идем лесом, и вот вышли на опушку. Впереди хутор, хороший деревянный дом, большой сарай и еще какие-то постройки. Хутор стоит на открытом месте, а дальше опять виднеется лес.

Старшина Николай Романович Алыпов и я пошли проверить хутор. Мы с Алыповым одеты в гражданскую одежду. У Алыпова пыш-

ные усы, да и возрастом он постарше, так что я вполне сходил ему за племянника. С корзиной в руках, «без оружия», мы были похожи на местных жителей, однако к хутору пробираемся осторожно. К счастью, на хуторе никого нет. Внимательно осматриваем весь хутор. В небольшом сарайчике обнаружили плиту с вмазанными в нее котлами. В плите догорают угли, а в котлах какое-то варево.

Дали сигнал разведчикам, оставшимся на опушке, и они незаметно вошли в хутор. Тщательно пронаблюдав окрестности, мы скоро на опушке леса заметили признаки немецкой обороны, примерно метрах в трехстах от хутора. Быстро созрел план дальнейших действий. Раз пища варится — хозяин придет. Расставили бойцов в засаде. Мы с Алыповым в доме, Георгий Симонов с одним бойцом в погребе во дворе, Тимофей Сидоренко с тремя бойцами в «кухне», а остальные расположились в сарае.

Нам хорошо было видно все вокруг, и незамеченным никто в хутор войти не мог. Ждать пришлось недолго. Вскоре Алыпов заметил, как из опушки леса по мелколесью к хутору вышли два фрица. Дана команда: «Всем внимание». Через несколько минут показались еще два фрица, и с интервалом метров 30—50 за первыми идут в нашу сторону, потом с интервалом еще и еще, примерно человек двадцать. Немцы были с оружием, но шли спокойно, очевидно, так ходили уже не раз и не подозревали что их ждет на хуторе. Они о чем-то говорили между собой в предвкушении обеда. Мы пропустили первую пару, которая направилась прямо к кухне. Когда вторая пара прошла дом и поравнялась с погребом, первая уже вошла в кухню.

Короткая, бесшумная схватка, и Сидоренко со своей группой потащил одного фрица к лесу. В это время Симонов ловко поймал одного из фрицев второй пары в веревочную петлю, и тот упал.

Это был, по сравнению с нашим небольшим Симоновым, огромный верзила, но наш Гоша быстро оказался у него на спине, молниеносным движением рук забив ему кляп в рот, когда тот пытался вскрикнуть. Подоспевшие из сарая разведчики быстро и бесшумно довершили дело. Подана команда на отход, не в наших интересах было ввязываться в бой, и мы, не замеченные остальными немцами, быстро исчезли, уведя с собою двух «языков» и сбросив в погреб двух фрицев, которые уже не могли быть «языками». Через некоторое время уже в расположении нашей части верзила «фриц» удивлялся, как с ним мог справиться маленький русский солдат, наш Гоша, едва дотягивавшийся до его подбородка.

Считанные минуты и секунды понадобились на всю операцию. Здесь сказались мастерство разведчиков и долгая совместная работа. Каждый знал, что ему надо делать, и понимал друг друга без слов.

Обстановка перед началом операции. Силы и средства сторон.

С 22 сентября 1939 года, когда Брестская крепость перешла в состав СССР, она использовалась для расквартирования частей Красной Армии и частей НКВД. На 22 июня 1941 года в ней дислоцировалось 7 стрелковых батальонов и 1 разведывательный батальон, 2 артиллерийских дивизиона, некоторые специальные подразделения стрелковых полков и подразделения корпусных частей, сборы приписного состава 6-й стрелковой дивизии (полковник М. А. Попсуй-Шапко) и 42-й стрелковой дивизии (генерал-майор И. С. Лазаренко) 28-го стрелкового корпуса (генерал-майор В. С. Попов) 4-й армии (генерал-майор А. А. Коробков) Западного особого военного округа (генерал армии Д. Г. Павлов), 9-я застава (лейтенант А. М. Кижеватов) 17-го Брестского пограничного отряда (майор А. П. Кузнецов), части 33-го отдельного инженерного полка, 2 роты 132-го батальона войск НКВД, штабы частей, часть окружного военного госпиталя. Штабы соединений находились в Бресте. Всего к началу Великой Отечественной войны в составе частей и подразделений, дислоцированных в крепости, насчитывалось до 8 тыс. человек личного состава, а также проживало до 300 семей военнослужащих. Части не были развернуты на боевых позициях и на пограничных рубежах. Некоторые из них находились в лагерях, на полигонах, на строительстве укрепленного района.

Для наступления в районе Брестской крепости Вермахт развернул 45-ю пехотную дивизию (генерал-майор Ф. Шлипер) и часть сил 31-й пехотной дивизии (генерал-майор К. Калмукофф) 12-го армейского корпуса (генерал-инфантерии В. Шрот) 4-й полевой армии (генерал-фельдмаршал Г. фон Клюге) группы армий центр (генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок). На флангах действовали 34-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант артиллерии Х. Бехлендорф) 12-го армейского корпуса 4-й полевой армии и остальная часть 31-й пехотной дивизии. Для содействия наступающим пехотным частям привлекались части 2-й танковой группы (генерал-полковник Х. Гудериан), авиация 2-го воздушного флота (генерал-фельдмаршал А. Кессельринг), артиллерия, в том числе 600-мм мортиры «Тор», девять 210-мм мортир, полк тяжелых химических минометов особого назначения, два дивизиона мортир особой мощности, части усиления. Немецкое командование планировало захватить Брест и Брестскую крепость в первые часы войны.

Ход операции

22 июня 1941 года в 3.15 началась артиллерийская подготовка частей Вермахта. Каждые 4 минуты огненный вал продвигался на 100 метров вперед. Действия артиллерии поддерживались бомбардировочной авиацией. Артиллерийская и авиационная подготовка продолжалась в течение получаса. В результате большая часть строений и материальная часть были уничтожены или повреждены, перестали функционировать водопровод и связь, разрушены мосты через реку Мухавец. Несмотря на массированный удар, многие участки цитадели не были разрушены полностью и в них заняли позиции оборонявшиеся части, хотя значительная часть личного состава была выведена из строя в самом начале военных действий, гарнизон расчленен на отдельные группы. Именно они встретили огнем наступающие части 130-го и 135-го пехотных полков 45-й пехотной дивизии Вермахта.

С первых минут завязался бой в районе Тереспольского укрепления, которое заняли пограничники, на Волынском и Кобринском укреплениях в бой вступил личный состав полковых школ 84-го и 125-го стрелковых полков 6-й стрелковой дивизии, находившихся у границы. Их сопротивление позволило утром 22 июня выйти из крепости примерно половине личного состава, вывести несколько пушек и легких танков в районы сосредоточения своих частей, эвакуировать раненых. В крепости осталось 3,5–4 тыс. бойцов.

22 июня 1941 года к 9 часам утра крепость была окружена. Передовые батальоны 45-й пехотной дивизии попытались с ходу овладеть крепостью, в первую очередь Цитаделью. Через мост у Тереспольских ворот штурмовые группы прорвались в нее, захватили в ней доминирующее над другими постройками здание полкового клуба (бывшую церковь), где сразу же обосновались корректировщики артиллерийского огня.

Одновременно развивалось наступление пехоты в направлении Холмских и Брестских ворот, которые должны были соединиться с группами, наступающими со стороны Волынского и Кобринского укреплений. Однако у Холмских ворот в бой с врагом вступил 3-й батальон и штабные подразделения 84-го стрелкового полка, у Брестских — 455-й стрелковый полк 42-й стрелковой дивизии, 37-й отдельный батальон связи 6-й стрелковой дивизии, 33-й отдельный инженерный полк 4-й армии. В обоих случаях немецкие войска были встречены штыковыми атаками и отброшены к Тереспольским воротам, которые к этому времени были отбиты и заняты пограничниками 9-й погранзащиты и подразделений 3-й пограничной комендатуры —

132-го батальона НКВД, подразделениями 333-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии и 44-го стрелкового полка 42-й стрелковой дивизии, 31-го отдельного автомобильного батальона 6-й стрелковой дивизии. Даная позиция позволяла им держать под огнем мост через Западный Буг, мешая тем самым противнику налаживать понтонную переправу через реку на Кобринское укрепление. Прорвавшиеся в Цитадель немецкие пехотинцы укрылись в здании клуба и в рядом стоящем здании столовой комсостава. Они были уничтожены на следующий день.

Одновременно бои развернулись по всей территории крепости. Они имели характер обороны отдельных укреплений без единого штаба и командования, без связи и почти без взаимодействия между различными группами обороняющихся. Их возглавили командиры и политработники, при их отсутствии — рядовые бойцы. Упорное сопротивление вынудило командование 12-го армейского корпуса Вермахта уже 22 июня начать введение в бой резервов. Однако это не принесло ощутимых результатов. Почти двухкилометровое кольцо оборонительного двухэтажного казарменного пояса Цитадели оставалось в руках оборонявшихся, несмотря на бомбардировки, артобстрел и атаки немецкой пехоты. В течение первого дня были отбиты 8 атак пехоты, блокированной в Цитадели, а также с плацдармов на Тереспольском, Волинском, Кобринском укреплениях. К вечеру 22 июня подразделения Вермахта закрепились в части оборонительной казармы между Холмскими и Тереспольскими воротами, захватили несколько отсеков казармы у Брестских ворот. Вечером 22 июня из крепостных укреплений была оттянута пехота. Немецкое командование решило создать за внешними валами блокадную линию, чтобы утром следующего дня вновь с артобстрела и бомбардировки начать штурм крепости.

Бои в крепости приняли ожесточенный, затяжной характер. На территории Тереспольского укрепления оборону держали подразделения курсов шоферов Белорусского пограничного округа (старший лейтенант Ф. М. Мельников), транспортной роты 17-го погранотряда (старший лейтенант А. С. Черный), кавалерийские курсы, саперный взвод, усиленные наряды 9-й пограничной заставы, личный состав ветеринарного лазарета, сборов физкультурников. Несмотря на то, что им удалось очистить от противника большую часть укрепления, из-за недостатка боеприпасов и больших потерь удерживать его они не могли. В ночь на 25 июня оставшиеся в живых форсировали Западный Буг и присоединились к защитникам Цитадели и Кобринского укрепления.

На Волынском укреплении к началу военных действий размещались госпитали 4-й армии и 28-го стрелкового корпуса, 95-й медико-санитарный батальон 6-й стрелковой дивизии, часть состава полковой школы младших командиров 84-го стрелкового полка, наряды 9-й пограничной заставы. На земляных валах у Южных ворот оборону держал дежурный взвод полковой школы. Здесь оборона приобрела очаговый характер. Немецкие части стремились пробиться к Холмским воротам и соединиться с штурмовой группой в Цитадели. На помощь оборонявшимся подошли подразделения 84-го стрелкового полка. В черте госпиталя оборону организовали батальонный комиссар Н. С. Богатеев, военврач 2-го ранга С. С. Бабкин. Несмотря на упорное сопротивление, к 23 июня госпиталь был в руках немецких войск, а очаговое сопротивление продолжалось еще в течение недели. Оставшиеся в живых перешли в Цитадель.

В самой Цитадели к исходу 22 июня определилось командование отдельных участков обороны. В районе Тереспольских ворот ее возглавили начальник 9-й пограничной заставы лейтенант А. М. Кижеватов, лейтенанты 333-го стрелкового полка А. Е. Потапов и А. С. Санин, старший лейтенант Н. Г. Семенов, командир 31-го автотранспортного батальона Я. Д. Минаков, командование группой из 132-го батальона принял младший сержант К. А. Новиков. Группу, занявшую оборону в башне над Тереспольскими воротами, возглавил лейтенант А. Ф. Наганов. В казематах оборонительной казармы сражалась группа 44-го стрелкового полка под командованием помощника командира полка по хозяйственной части капитана И. Н. Зубачева, старших лейтенантов А. И. Семененко и В. И. Бытко (с 23 июня). У Брестских ворот сражалась группа из 455-го стрелкового полка под командованием лейтенанта А. А. Виноградова и политрука П. П. Кошкаррова. В казарме 33-го отдельного инженерного полка боевыми действиями руководил помощник начальника штаба полка старший лейтенант Н. Ф. Щербаков. В районе Белого дворца командование принял лейтенант А. М. Нагай и рядовой А. К. Шугуров, являвшийся ответственным секретарем комсомольского бюро 75-й отдельной разведывательной роты 6-й стрелковой дивизии. В здании Инженерного управления руководство на себя взял заместитель командира 84-го стрелкового полка по политической части полковой комиссар Е. М. Фомин.

24 июня в Цитадели состоялось совещание командиров и политработников, где решался вопрос о создании сводной боевой группы, формировании подразделений из разных частей, утверждении их ко-

мандиров, выделившихся в ходе боевых действий. Был отдан Приказ № 1, согласно которому командование группой возлагалось на капитана И. Н. Зубачева, его заместителем был назначен полковой комиссар Е. М. Фомин. Фактически они возглавили оборону только в Цитадели. По решению командования сводной группы были предприняты попытки прорвать кольцо окружения. 26 июня пошел на прорыв отряд (120 человек, в основном сержанты) во главе с лейтенантом А. А. Виноградовым. За восточную черту крепости прорвались 13 человек, но они были захвачены в плен. Безуспешными оказались и другие попытки массового прорыва из крепости, пробиться смогли только отдельные малочисленные группы. Оставшийся гарнизон продолжал сражаться с необыкновенной стойкостью и упорством.

На Кобринском укреплении с момента начала боевых действий сложилось несколько участков обороны. Через Северные и Северо-западные, Восточные ворота укрепления в первые часы войны выходили в предусмотренные пункты сбора основные силы 125-го стрелкового полка (майор А. Э. Дулькейт) и 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона (капитан Н. И. Никитин). Прикрытие выхода подразделений из крепости через Северо-западные ворота, а затем и оборону казармы 125-го стрелкового полка возглавил батальонный комиссар С. В. Дербенев. Немецким частям удалось перебросить с Тереспольского укрепления на Кобринское понтонный мост через Западный Бут, захватить в западной части Кобринского укрепления плацдарм и двинуть туда пехоту, артиллерию, танки. В районе Западного форта и домов начальствующего состава оборону возглавили командир батальона 125-го стрелкового полка капитан В. В. Шабловский и секретарь партбюро 333-го стрелкового полка старший политрук И. М. Почерников. Оборона в этой зоне прекратилась к концу третьего дня.

Напряженный характер носили бои в районе Восточных ворот укрепления, где в течение почти двух недель сражался 98-й отдельный противотанковый артиллерийский дивизион. Подразделения Вермахта, форсировав Мухавец, двинулись в эту часть крепости при поддержке танков. Оборону возглавил начальник штаба дивизиона лейтенант И. Ф. Акимочкин, в последующие дни вместе с ним и заместитель командира дивизиона по политической части старший политрук Н. В. Нестерчук.

В северной части главного вала в районе Северных ворот в течение двух дней сражались группы из разных подразделений под руководством командира 44-го стрелкового полка майора П. М. Гаврило-

ва. На третий день защитники северной части главного вала отошли в Восточный форт, где находилась часть 393-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, транспортная рота 333-го стрелкового полка, учебная батарея 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона. Здесь же в укрытии находились семьи командиров. Всего собралось около 400 человек. Руководили обороной форта майор П. М. Гаврилов, заместитель по политической части политрук С. С. Скрипник из 333-го стрелкового полка, командир 18-го отдельного батальона связи капитан К. Ф. Касаткин. Развернутый здесь же лазарет возглавил лейтенант медицинской службы Р. И. Абакумова. Благодаря грамотной организации обороны форт стал неприступным для немецкой пехоты.

Части Вермахта целую неделю методически атаковали крепость, организовывая по 6—8 атак в день. Зачастую противостояние доходило до рукопашных схваток. Находясь в полном окружении, без воды и продовольствия, при острой нехватке боеприпасов и медикаментов гарнизон продолжал сражаться с противником. К концу июня немецкие части захватили большую часть крепости. 28 июня из крепости были отпущены в плен почти все женщины и дети. 29 и 30 июня был предпринят непрерывный двухсуточный штурм крепости. 29 июня погиб А. М. Кижеватов. В Цитадели 30 июня были взяты в плен тяжелораненные и контуженные капитан И. Н. Зубачев и полковой комиссар Е. М. Фомин, который был расстрелян недалеко от Холмских ворот. 30 июня после длительного обстрела и бомбежки немецкая пехота овладела большей частью сооружений Восточного форта, захватив в плен раненых.

В результате кровопролитных боев и понесенных потерь оборона крепости распалась на ряд изолированных очагов сопротивления. До 12 июля в Восточном форте продолжала сражаться небольшая группа во главе с П. М. Гавриловым. Тяжело раненные П. М. Гаврилов и заместитель политрука Г. Д. Деревянко 23 июля попали в плен. Но и позже 20-х чисел июля в крепости продолжали сражаться советские воины. К этим дням относятся надписи, оставленные на стенах крепости ее защитниками: «Умрем, но из крепости не уйдем», «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина. 20.VII.41 г.».

Официально днем окончания защиты Брестской крепости является 20 июля 1941 года. Однако еще в течение августа — зимы 1941 года отдельные разрозненные группы продолжали сопротивление, выражавшееся, в основном, диверсионными вылазками. 12 апреля 1942 года неизвестный красноармеец, истратив все патроны, исто-

щенный от голода и жажды, вышел из своего укрытия. Солдат назвал себя лейтенантом Николаем Плужниковым.

Итоги операции.

В результате упорной обороны гарнизона Брестской крепости и частей РККА были на длительное время скованы крупные силы (до армейского корпуса) Вермахта, авиации и артиллерии, хотя это не повлияло на стратегическую обстановку, сложившуюся в Белоруссии.

Оборона Брестской крепости — пример мужества и стойкости. Звание Героя Советского Союза присвоено майору П. М. Гаврилову и лейтенанту А. М. Кижеватову. Около 200 участников обороны награждены орденами и медалями. 8 мая 1965 года крепости присвоено почетное звание «Крепость-герой» с вручением медали «Золотая Звезда». 8 ноября 1956 года на территории крепости, в бывшей казарме, был открыт музей обороны Брестской крепости. 25 сентября 1971 года был открыт мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой».

Журавлева Дина,
студентка 3-го курса факультета информационных технологий
и машиноведения

Мое отношение к Великой Отечественной войне

Я не хочу пафоса, пустых разглагольствований по поводу Великой Отечественной войны. Вы хотите знать мое отношение к войне? Жаль, что мое отношение уже ничего не изменит.

В последние годы проведены исследования (см работу Н. С. Волгина «Об истории Великой Отечественной войны — новый взгляд») по поводу того, кто, как и зачем подготовил и развязал Вторую мировую войну. Ответ один: деньги, ресурсы, власть... Причины до безумия циничны и банальны. Все как всегда. Так было и, видимо, будет. Жаль. Но не получилось у Транснациональных корпораций довести свое кровавое дело до конца. Что же не учли организаторы войны? Оказывается, не все решают деньги? Люди! Простые люди в очередной раз доказали, что не просто сломить ту страну, которая рождает ТАКИХ богатырей, ТАКИХ жен, ТАКИХ детей — представителей советского народа. Горько становится от сознания того, сколько людей принесли себя в жертву общему делу — Победе над организаторами

войны — фашистами гитлеровской Германии и всеми теми, кто их поддерживал в их действиях против Советского Союза...

Радость со слезами на глазах...

Война Отечественная была закончена. Да только победой ли для СССР? Прошло уже более 65 лет со дня капитуляции Германии. А многое ли изменилось? Как показывает жизнь — нет. Изменился только фронт. Война идет в современной России. Он стал более масштабным, более изощренными стали способы, применяемые для достижения все тех же целей. Деньги, ресурсы, власть. И война идет уже в головах людей. Она, как раковая опухоль, разъедает наше общество изнутри.

И кто сможет выстоять в этой войне? В конечном счете, как свидетельствует история, победа будет на стороне народа, защищающего свою Родину.

Мое отношение к войне? Великая Отечественная война была справедливой, поэтому советский народ, несмотря на трудности, лишения и большие потери, в конечном счете поставил последнюю точку в разгроме фашистских агрессоров. 8 мая 1945 году был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии, а с 9 мая 1945 году — мы празднуем День Победы!

Козлова Ольга,
студентка 4-го курса факультета экономики
и менеджмента

Погиб 9 мая 1945 года

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в сердцах и памяти нашего народа. Война унесла миллионы жизней, принесла страшные разрушения. Но несмотря ни на что, наш народ, весь народ Советского Союза сумел пройти все эти испытания и победить в этой войне. Это были годы небывалого патриотизма, единения всего народа, самоотверженной борьбы за свободу Родины.

Сейчас прошло уже 62 года после Победы. Конечно, в повседневной жизни мы уже все реже вспоминаем те страшные события. Все меньше остается живых ветеранов — участников войны. Конечно, живые ветераны — это и то уже те, кто заканчивал войну совсем молодыми, даже юными. Пожилые люди сейчас — тогда были детьми.

Наше поколение знает войну по истории, фильмам, книгам. Но кроме этого, в каждой семье остается и передается из поколения в поколение своя история войны. Нет семьи в нашей стране, кого бы война не коснулась. И эта память должна всегда оставаться. Мои дедушки и бабушки были детьми, когда началась война. Они не сражались во время войны, не были в оккупации. Но общая тяжесть войны легла и на их детские плечи. Они рассказывают, вспоминают эти годы.

Два моих прадеда погибли на войне. Один прадед прошел всю войну с самого начала и погиб под Берлином и захоронен там. А похоронку на него семья получила 9 мая 1945 года. Бабушка все время вспоминает, что это был очень теплый майский день, радостный для всех, а в их семью пришла похоронка на отца.

Мы живем в городе, который пережил страшную блокаду. Когда сейчас смотришь фильмы о блокаде, читаешь воспоминания, когда показывают по телевизору подробности о блокаде, то не представляешь, как мог народ пережить такое, выжить, и испытываешь в эти моменты невероятное чувство гордости, что живешь в этом городе, соприкасаешься с этим подвигом. Меня маленькой еще дедушка водил каждый год 9 мая на Пискаревское кладбище. Вот это мы не должны забывать никогда. Никогда не должен иссякнуть поток народа на Пискаревское кладбище и цветы на братских могилах.

Конечно, плохо, что вспоминается о подвигах народа в основном только вблизи Дня Победы, Дня снятия блокады. По телевизору все реже показывают фильмы о Великой Отечественной войне, снятые известными советскими режиссерами, которые сами прошли войну.

Больно становится, когда показывают, как тяжело сейчас живут люди, которые прошли страшные годы войны, не жалели жизни за то, что мы сейчас живем. Стыдно за государство, которое забывает тех, кто его защищал.

Но память о тех страшных годах, о людях, которые боролись за победу на полях сражений, на рабочих местах в тылу, погибших солдатах, офицерах, мирных жителях, детях блокады, не умрет в сердцах нашего народа никогда.

9 мая мы вспоминаем о Подвиге нашего народа. И мы, молодое поколение, должны сохранить и передать эту память дальше.

События в Таллинне накануне 9 мая этого года показали, что наше молодое поколение не позволит зачеркнуть память о наших дедах и прадедах. Мы должны гордиться, что это наш народ принес Победу над фашизмом.

Не забудем подвиг участников войны

Советские люди отдавали свои жизни за судьбу своей Родины, за своих товарищей. Даже городам, которые выстояли весь напор гитлеровской армии, присвоили звание городов-героев.

Миллионы наших дедов и бабушек погибли в эту войну. Матерям и женам некогда было оплакивать своих родных, воевавших в окопах, они сами брали в руки оружие и шли на врага. Россию считали страной-освободительницей. Она не только изгнала фашистскую армию из своих пределов, а освободила другие страны, находящиеся под гнетом фашизма.

Немногие дошли до Берлина, но слава погибших, их имена живут в наших сердцах.

В Великую Отечественную войну люди показали, на что способен советский народ и какая великая и могущественная наша страна. И теперь, в наше время, я ненавижу тех людей, которые насмеются над событиями минувших дней. Я считаю, что наше поколение никогда не смогло бы повторить подвиг наших предков. Хотя если подумать, ведь не так давно это было, и страшно то, что многие уже забывают это. А жаль...

Люди! Вы должны помнить тех, кто совершил этот подвиг во имя нашей Родины!

Сколько войною задето
Седых и детских голов?!
Мы о войне этой знаем
Лишь по рассказам отцов.

Мы, наверное, последнее поколение, которое имеет возможность и счастье общаться с участниками, ветеранами Великой Отечественной войны. И наш священный долг воздать им должное в своих делах во имя Родины и передать следующему поколению воспоминания ветеранов.

Война... Как много говорит это слово. Война — страдание матерей, сотни погибших солдат, сотни сирот и семей без отцов, жуткие воспоминания людей. Да и нам, не видевшим войны, не до смеха.

Солдаты служили честно, без корысти. Они защищали отечество, родных и близких. Жестоко фашисты относились к русским людям,

солдатам. Я смотрела снимки музея «Памяти погибших». В этом путеводителе фотография камеры пыток, а на стене этой жуткой комнаты надпись: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Эти страшные строки меня испугали, они как угроза. Жутко становится на душе. Какое горе испытывали люди, когда в дом приходила похоронка. И все же такие семьи надеялись на то, что мужья и дети вернутся домой.

Страшно при мысли, что война может начаться. Ведь она не может длиться вечно. Нельзя воевать беспрерывно. Надо думать и о детях, и о матерях, и обо всех людях прежде, чем начать войну.

Виноградова Елена,
студентка 3-го курса факультета информационных технологий
и машиноведения

Этих дней не смолкнет слава!

Что мое поколение знает о Великой Отечественной войне? В основном, мы изучаем голые факты в школьной программе по истории и слышим рассказы о войне от наших бабушек и дедушек. Но имеем ли мы хотя бы приближенное к действительности представление о том, что пережили люди в войну, в блокаду, в это время разрухи и голода, жестокости и несправедливости по отношению к людям?

Тема Великой Отечественной войны стала на долгие годы одной из главных тем кино и литературы XX века. Причин тому много. Это и непреходящее осознание тех ничем невозполнимых потерь, которые принесла война, и острота нравственных коллизий, которые возможны лишь в экстремальной ситуации (а события войны — это именно такие события), и то, что из советской литературы надолго было изгнано всякое правдивое слово о современности; тема войны оставалась порой единственным островком подлинности в потоке надуманной, фальшивой прозы, где все конфликты, согласно указаниям свыше, должны были отражать борьбу хорошего с лучшим. Но и правда о войне пробивалась нелегко, что-то мешало сказать ее до конца.

С каждым годом мы все дальше и дальше уходим от военной поры. Но время не имеет власти над тем, что люди пережили в войну. Это было очень трудное время. Советский солдат умел смело смотреть в глаза смертельной опасности. Его волей, его кровью добыта победа над сильным врагом. Нет границ величию его подвига во имя Родины, как нет границ величию трудового подвига советского народа.

«Все для фронта, все для победы!» — этот лозунг стал главным с первых дней войны для людей, заменивших рабочих, ушедших на фронт. Женщины и подростки стали главной силой на трудовом фронте.

По фронтовому трудилась молодежь и на селе. Ведь для фронтовиков и для рабочих нужен был хлеб. Школьники помогали взрослым растить и убирать урожай. Они пропалывали посевы, косили сено, убирали овощи. В области стали создаваться женские тракторные бригады.

Уже много десятилетий отделяет нас от суровых дней войны. Уходит поколение, вынесшее тяжелый груз войны. Но народная память сохранит и немеркнущий подвиг, и неслыханные страдания, и непреклонную веру людей.

Очень много вытерпел российский народ в эти четыре года. Вспомним героический подвиг Ленинграда — девятьсот дней держались люди в окруженном городе и не отдали его! Люди выдерживали мороз, холод, голод, вражеские бомбардировки, не спали, ночевали на улице. Вспомним Сталинград...! Вспомним другие города! Перед этими подвигами мы должны, обязаны склонить голову.

Я родилась в счастливое, мирное время, но я много слышала о войне, ведь горе и беда не обошли стороной и моих родных и близких. Война — страшное слово.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Время неумолимо. Уже десятилетия отделяют нас от Дня Победы советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов, но память о тех героических и трагических 1418 днях остается в памяти народов нашей страны и всех честных людей мира. Никому и никогда не удастся вычеркнуть это великое событие из памяти людей всех поколений. Об этом свидетельствуют суждения и размышления авторов данного сборника. И хорошо, что современная студенческая молодежь с гордостью и благодарностью говорит о своих дедушках, бабушках, совершивших подвиг на фронте и в тылу, не дрогнувших перед трудностями и вставших на защиту своей родной советской власти, своего Отечества.

Материалы сборника — небольшой, пусть и скромный вклад в славную историю нашей страны, каждой семьи.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	3
-------------------------	----------

Раздел 1. Воспоминания очевидцев – детей Великой Отечественной войны	7
---	----------

В. Ф. Цымлов. Сталинград напоминает.	7
Ю. В. Манько. Детство в оккупации.	10
Н. И. Шашков. Мои детские университеты.	12
Р. Х. Бариев. Дети войны.	16
Г. М. Левин. Мои встречи с войной.	21

Раздел 2. Студенты о войне	24
---	-----------

Авакян Анна Воспоминания моих родственников о войне.	24
Анисимова Ксения О трудовом подвиге Трониных Евдокии Аверьяновны и Анны Аверьяновны в годы Великой Отечественной войны . .	25
Ахобадзе Важа Три брата-солдата	27
Бабайлова Мария Горжусь подвигом своих родственников.	28
Багаутдинова Руфина Война унесла моих родственников	30
Гореликова Ирина Бабушка вспоминает...	31
Зайнуллина Евгения Не забудем героев войны.	32

Коротин Дмитрий	
Их детство выпало на войну	34
Кравчук Олег	
Ветераны войны — пример для нас, молодых	36
Манько Надежда	
Горжусь своими предками	37
Волкова Юлия	
Самая ценная реликвия нашей семьи	38
Минкеева Лейла	
Что я узнала из рассказов моей бабушки	40
Нестерова Марина	
Военная молодость моей бабушки	41
Пискалова Марина	
Портрет ветерана Великой Отечественной войны	43
Рыбакова Виктория	
«А ведь я тогда впервые увидела смерть»	46
Сидорова Любовь	
История об испытании войной, рассказанная очевидцем	
И. Д. Еремичевым.	48
Марадуина Виктория	
Герои среди нас	50
Иванова Дарья	
Девушка с Петроградской стороны	52
Скиба Елена	
Советский солдат не был оккупантом.	54
Каковкина Юлия	
Из лушильщиков в солдаты	56
Степанова Александра	
Помнить тех, кто совершил подвиг во имя Родины	57
Тарасова Наталья	
Воспоминания моего дедушки о войне.	58
Теренььева Марина	
Воспоминания о войне салехардских ветеранов	59
Ясинский Владимир	
Такова история моей семьи и страны	65

Дмитриева Виктория	
Воспоминания моего дедушки	67
Базаров Сергей	
Бои на подступах к Витебску	68
Орлов Валентин	
Боевые дела разведчиков	76
Журавлева Дина	
Мое отношение к Великой Отечественной войне	89
Козлова Ольга	
Погиб 9 мая 1945 года.	90
Егорова Юлия	
Не забудем подвиг участников войны	92
Виноградова Елена	
Этих дней не смолкнет слава!	93
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	95

Учебное издание

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В ВОСПОМИНАНИЯХ МОЛОДЕЖИ**

**(Великая Отечественная война:
в воспоминаниях педагогов-детей войны
и студентов о ветеранах войны — своих родственниках)**

Сборник статей

Под ред. Ю. В. Манько, В. Ф. Цымлова

Печатается в авторской редакции
Корректор *Н. А. Ерина*
Верстка *К. А. Карасев*

Подписано в печать 25.03.08. Формат 60×84 1/16.
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 5,7. Тираж 100 экз. Заказ 43

Отпечатано в типографии СПГУТД
191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 26